

Константин КУРАЛЕНЯ

16+

Перевернутый мир

книга 2 серия Великое кочевье

Константин Кураленя
Перевернутый мир

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Кураленя К.

Перевёрнутый мир / К. Кураленя — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Герой романа «Перевёрнутый мир» Семён Касьян таинственным образом попадает в прошлое - в постреволюционный период начала XX века. В поисках золота, захороненного графом Облонским, он, вместе со своей юной женой Луизой, едет на Дальний Восток России, в Китай, Англию... Путешествие сопровождается неожиданными встречами, опасными столкновениями, из которых бывший участник войны в Афганистане выходит победителем. Перед нами предстают исторические картины гражданской войны на Нижнем Амуре, в том числе движения армии Якова Тряпицына.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

53

Константин Кураленя

Перевернутый мир

Вступление к публикации второй тетради

СТАРЫЕ ДНЕВНИКИ

Дорогой читатель! Тех, кто не знаком с приключениями моего героя, мне бы хотелось ввести в курс событий.

Я пишу это повествование по записям моего товарища, который не пожелал открывать своего имени. Хотя у меня не было возможности проверить правдивость его рассказа, я склонен ему верить.

Мой товарищ чудесным образом оказался в прошлом. А конкретно в 1860 году на одном из сплавов первых нижеамурских переселенцев, проводимых стараниями сибирского генерал-губернатора Муравьева-Амурского.

Со своим новым другом казаком Степаном и сёстрами Катериной и Луизой он прошёл через многие приключения и испытания. Благодаря своим друзьям и вспыхнувшей к Луизе любви, он вышел из всех испытаний победителем и дошёл вместе со сплавом до селения Нижнетамбовское. Здесь непонятные силы вновь переместили его в 1986 год.

Я предлагаю на ваш суд описание новых приключений моего друга.

Глава 1. ПОПУТЧИКИ

После возвращения из похода к Шаман-горе я стал совсем по-другому смотреть на жителей села Нижнетамбовское. Осторожно узнавал у старожилів историю их поселения, интересовался, как сложились судьбы первых переселенцев, основавших Нижнетамбовское, и их детей и внуков. Особо меня волновал вопрос, что же случилось в дальнейшем с моими друзьями? Полученная информация не вызвала удивления. К чему-то подобному я был готов. Что бы мне ни думалось, но сны такими не бывают.

Оказалось, что действительно первыми семьями, высадившимися на берегу Амура и давшими жизнь новому селу, были пять крестьянских семей из Тамбовской губернии.

Это семьи моих старых знакомых – Болдыревых, Сыроевых, Шишкиных, Татаринцевых и Зиминых. Их потомки до сих пор проживали в селе. Более того, с некоторыми из них я был знаком лично. Значит, все, что со мной произошло, было не сон и я действительно был участником событий 1860 года, ветераном заселения Амура, первопроходцем таёжных просторов – словом, всем тем, о ком кричат передовицы центральных газет, желая привлечь на тяжёлую работу дармовую рабочую силу.

Что же на самом деле произошло там, у горы? Какая петля времени накинула на меня свою удавку? И почему вернула назад, в своё время? Эти вопросы не переставали волновать меня ни днём, ни ночью. Возможно ли вернуться обратно? Ведь о судьбе Луизы, Степана и Катерины я не смог узнать ничего, будто бы их не существовало вовсе.

Я стал рассеянным, отвечал невпопад, и вообще всё в моих делах пошло наперекосяк.

– Что с тобой случилось? – спрашивали меня друзья. – Влюбился, что ли?

Что я мог им ответить? Что я побывал в прошлом, после которого прошло сто двадцать шесть лет? Кто мне поверит? Нужно быть настоящим идиотом. А самое главное что, в конце концов, этим идиотом окажусь я. Нет, пусть то, что со мной произошло, останется со мной.

Стараясь отвлечься от мыслей, я стал больше времени проводить на работе и в кругу друзей. Но меня неудержимо тянуло к Шаману. Как будто какой-то чёртик внутри меня постоянно назойливо нашёптывал: сходи, проверь ещё раз. Может, всё это действительно было сном?

В мае мы встретили пополнение. Из Тамбова, Воронежа, с Украины и Белоруссии. Приехал Всесоюзный комсомольский отряд. Но тяжёлая работа и новые знакомства так и не смогли вытравить из моей души воспоминаний о прошлом.

И вот, наконец, моё терпение лопнуло. Послав всё к чёртовой матери, я еле дождался следующих выходных и отправился на другую сторону Амура. Меня ждал повторный эксперимент с духами Шаман-горы.

Поднявшись на сопку, я приблизился к знакомому гроту. Для чистоты эксперимента мною были проделаны те же действия, что и в прошлый раз. Но ощущения внутри меня были совершенно другими. Нет, это был не страх. Это была какая-то внутренняя дрожь нетерпения: скорее бы всё произошло, и я вновь увижу своих друзей, обрётённых в закоулках прошлого. Я, как наркоман, попал в жуткую зависимость от прошлого. Я подсел на прошлое.

Сдерживая внутреннюю дрожь, я развёл костёр, приготовил ужин. Дождался ночи и забрался на своё старое место в гроте... Ничего не происходило.

Я посмотрел на часы: стрелки показывали половину второго ночи. В прошлый раз это случилось в полночь. Или это мне всё же приснилось?

Чтобы отвлечься, я взял фонарик и пошёл за дровами. Весело насвистывая, я ломал сухостоины и скидывал их в кучу. Занятый своими мыслями, я даже не услышал характерного похрюкивания, раздавшегося за моей спиной.

Лишь когда я выпрямился, чтобы утереть пот, я понял, что нахожусь в лесу не один, но тот «парень», который похрюкивает невдалеке от меня, конечно же, сытый и кушать меня не будет. Скорее всего, ему интересно узнать, что за наглец без приглашения вторгся в его владения?

Так как мы с ним разговариваем на разных языках и вряд ли бы поняли друг друга, я не стал убеждать его в чистоте моих помыслов, а просто-напросто бросился наутёк. Конечно же, мне было стыдно, но меня оправдывало одно обстоятельство – у меня не было оружия, а у него когти длиннее в мой палец.

Я бежал к гроту и орал благим матом, но не подумайте, что от страха. Боже меня упаси! Я орал, чтобы напугать неожиданного соседа.

Подбежав к пещере, я выхватил из костра головёшку и стал размахивать ею по сторонам. Переполнявший меня азарт бросил моё тело вперёд, и только тут перед самыми глазами я увидел торчащий из скалы камень, но уже было поздно: моя горемычная головушка вошла в тесный контакт с неожиданным препятствием и я потерял сознание.

Проснулся я от громких голосов, стука колёс, тошнотворного запаха махорки и немых тел. Открыв глаза, я обнаружил, что лежу на последней полке расхлябанного донельзя пассажирского вагона. Вагон отчаянно трясло на рельсовых стыках, и казалось, что следующий стык окажется последним в судьбе самого вагона и всех в нём присутствующих. Через грязное закопчённое стекло пробивались тусклые лучи зимнего солнца. Вагонные колёса выстукивали своё извечное тук-тук, тук-тук.

Получилось! – пронеслось у меня в голове. Но тут же вторая мысль догнала первую. Погоди. Стоп. А что, собственно говоря, получилось? При чём тут вагон и железная дорога? В те годы их ещё не было.

В первую очередь я внимательно оглядел себя. На мне была военная форма, но без погон. Около стены лежали шашка, револьвер и карабин. В изголовье – вещмешок и шинель.

Значит, всё-таки перемещение во времени произошло. Вот только куда? Это предстояло выяснить. Я стал прислушиваться к разговорам внизу.

– Большевики обещают землю крестьянам на вечное пользование. И ни копейки за это не требуют, – раздался чей-то густой бас.

– Бряхня. Ещё никто и ничего просто так никому не давал. А тут земля, – степенно ответил ему оппонент. – Наобещать можно много чего. Только воюйте.

– А ты воевал?– раздался ехидный голосок.

– Я – нет. А вот два сына в окопах всю войну вшей прокормили. А один навовсе голову сложил. Я ведь его даже женить не успел.

– Да, Рассея-матушка, – вздохнул кто-то под моей полкой. – Всю свою жисть русский народ воюет. И конца этому и края не видать. Довоевались до того, что и царя не стало, и германца не разбили.

– Нашёл об чём жалковать. Да и лихоманка на них. И на царя, и на германца.

Разговор приобрел политическую остроту.

– Ну не скажи, власть государству нужна. Без власти всяк захочет жить как не попадя. И получится одно сплошное баловство, – утверждал степенный голос.

– И какие такие богатства ты при этой власти нажил? – прозвучал всё тот же ехидный голосок.

– Богатств особых я не нажил, но и перед людьми душою не кривил. Богатства наши в душевном покое и в мире с самим собой.

– Так тебе надо рясю и в монахи.

– Христиане мы. И вера наша христианская. Вот если бы все почаще в сторону Бога смотрели, то и не творилось бы сейчас всех этих непотребств. Виданное ли дело – замахнуться на власть, Богом данную!?

– Бог дал, Бог взял. Если бы ему было угодно, не позволил бы он царя власти лишить.

– Это он души наши проверяет на веру и крепость. Которые слабые, те поддаются дьявольскому искушению и соблазну.

– Ну, ты, дядя, загнул. В монастыре тебе надобно жить, а не по поездкам шастать и народ смущать, – вмешался в разговор молодой голос. – Скинули Николашку, туда ему и дорога. И всем помещикам и капиталистам под зад наладим. Попили они нашей кровушки. Хватит!

Мнения спорщиков разделились, но большинство сходилось на том, что без царя будет лучше. Землю бы только дали, а там проживём.

Это где же я оказался? Царя скинули? Неужели семнадцатый год? Мне нестерпимо захотелось посмотреть на компанию спорщиков.

Я свесил голову с полки и стал рассматривать находившихся внизу. Компания была ещё та! На деревянных скамейках вплотную друг к другу сидели пассажиры. Судя по одежде и оружию, в основном военные.

– Во, казачок проснулся, – заметил мою голову молодой солдатик. У него румяное лицо и светлые глаза. – А вот мы его зараз попытаем. Ндравится ему воевать до победного конца али нет? Если ндравится, то, значитца, и царя зазря скинули.

Все вопросительно уставились на меня. Час от часу не легче. Оказывается, я ещё и казак, а казаки – это опора самодержавия. Надо выкручиваться.

– Да мне всё равно. Я нейтралитет, – ответил я расплывчато.

– Во! – поднял вверх указательный палец солдатик, – ежели даже казаку наплевать, то об чём тогда вообще речь?

От греха подальше я решил убраться на свою территорию. Здесь я занялся более подробным изучением принадлежащего, по всей вероятности, мне имущества. В первую очередь необходимо найти документы. Если это семнадцатый год, то они просто необходимы.

Хлопнув по карману на груди, я почувствовал, что там что-то есть и, расстегнув пуговицу, извлёк на свет несколько бумажек.

В одной из них значилось, что Семён Евстигнеевич Касьян является есаулом второй сотни третьего казачьего полка Амурского казачьего войска. Другая гласила о том, что по решению полкового комитета мне выдана из полка винтовка за номером таким-то и револьвер за номером таким-то. Из третьей следовало, что я направляюсь с заданием штаба полка в город

Петроград. С каким заданием, в бумаге не говорилось. Ну что ж, задание придётся выдумать самому. Ситуация стала немного проясняться.

Судя по дате на моём удостоверении, на дворе стоял декабрь 1917 года. Значит, Великая Октябрьская революция 1917 года свершилась. Разгневанные трудящиеся массы своей мозолистой рукой свергли ненавистное самодержавие. Теперь над многострадальной Россией воссияет солнце свободы и всем станет хорошо. Да, чёрт побери, повезло. В самую мясорубку попал. А там и гражданская война не за горами. И что же теперь делать?

Жизнь – это не поезд, на ходу не спрыгнешь, а когда очередной временной петле взбредёт на ум вернуть меня обратно – неизвестно. Ну что ж, будем подстраиваться под обстоятельства, а там – как карта ляжет.

Если вспомнить прошлое приключение, то назад, в своё время, я вернулся там же, откуда начинал. Значит, и цель должна быть одна: всеми возможными способами добраться до Нижнетамбовского и, если понадобится, подняться на Шаман-гору.

Я вытащил из-под головы вещмешок и обследовал его содержимое. Две буханки хлеба, увесистый шмат сала, винтовочные и пистолетные патроны, внушительных размеров тесак и комплект обмундирования, внутри которого завёрнуты офицерские погоны и три Георгиевских креста с документами на них.

Я заинтересовался. Неужто я ещё, в придачу ко всему, и георгиевский кавалер? Ну, так и есть. Награждается Касьян Семён Евстигнеевич. Ну, ничего себе подача!

Я посмотрелся в найденное в вещах зеркальце. Лицо вроде бы моё, только усов раньше не было, а так, один в один. Глаза голубые, волосы русые, подбородок квадратный. Странные метаморфозы... Неужели в семнадцатом году существовал человек, мой двойник? Интересно.

И тут меня током прошибло. Касьян! Ведь это девичья фамилия моей матери! Неужели между этими совпадениями есть какая-либо связь?

Народ внизу продолжал обсуждать политические события сегодняшнего дня. Я краем уха прислушивался к спорщикам, а в уме продолжал строить догадки: случайно ли то, что со мной происходит, или нет? Надо заметить, что любая информация о том, где я нахожусь и что вокруг меня происходит, была для меня очень полезна. Поэтому, думая о Степане и своих друзьях по первой экспедиции в прошлое, я не переставал интересоваться происходящим вокруг меня.

Моими попутчиками оказались люди разных сословий: солдаты-дезертиры, крестьяне и прочий русский люд, который кидало с места на место вихрями революционных перемен.

Из разговоров я уже понял, что сидящий на нижних полках народ больше всего интересовался вопросом о земле и тем, кто будет управлять государством. Мне это было безразлично: из работ Владимира Ильича я знал, что государством научатся управлять даже кухарки. Меня же волновало совершенно иное. Как увильнуть от прелестей гражданской войны.

Судя по всему, я еду в Петроград с каким-то особым поручением. Возможно, что я являюсь участником какого-нибудь заговора. Конец семнадцатого и восемнадцатый год – это ведь как раз время офицерских мятежей и заговоров.

Нет, в Петрограде мне задерживаться не резон. Нужно пересаживаться на другой поезд и ехать до Хабаровска. В Петрограде в эти смутные времена очень просто попасть под расстрел.

Мой живот заурчал, подсказывая своему хозяину, что пора бы подкрепиться. Я не стал ему возражать и вынул из мешка сало и хлеб.

Расстелив чистую тряпицу, я отрезал от буханки краюшку хлеба, затем крупно отрубил сала и, приподнявшись повыше, стал не спеша довольствоваться тем, что послал мне Бог.

За принятием пищи я продолжал прислушиваться к разговору внизу.

– Война до победного конца... – возмущённо выкрикивал щупленький солдатик своим ехидным голоском. – А вот нехай сами бы и повоевали!

– Так большевики же фронт окрыли. И кому? Исконному нашему врагу, немцам, – воскликнул добротню одетый господин.

– Ежели они наши враги, то отчего же тогда все цари испокон веку на немецких принцессах женились? – щупленький солдатик посмотрел вокруг себя с победным видом.

– Поэтому и женились, чтобы немчуру задобрить, – отозвался кто-то из солдат.

– Цари-то друг в друга не стреляют. Они этих удо-вольствиив приберегли для нас.

– Всё правильно. Паны дерутся, а у холопов чубы трещат.

На минуту в купе наступило затишье.

– Когда в Питер-то приедем?– прервал тишину чей-то вопрос.

– Скорее всего, завтра, – авторитетно ответил добротный одетый господин.

– А что, братки, не сгношить ли нам чего-нибудь? Сегодня ведь как-никак последний день семнадцатого года. – предложил обладатель густого баса, крупный мужчина по виду мешанин.

Купе заметно оживилось, а я наконец-то определился со временем моего нового пребывания в прошлом. Итак, тридцать первое декабря 1917 года. Ну что ж, от этого эпохального дня мы и начнём вести отсчёт времени.

Солдаты выжидательно уставились на мужиков. Те, кряхтя от досады, поёрзали-поёрзали, да и полезли в свои мешки. На свет была извлечена бутылка самогона, в простонародье называемая «четверть». Чего уж там мелочиться?

Солдатики тоже развязали свои котомки и достали нехитрую солдатскую снедь.

– Слышь, казачок, ты как, кумпанию уважишь? – обратился ко мне всё тот же щуплый солдатик.

Я молча отрезал от шмата сала ещё кусок, вынул из мешка початую буханку хлеба и всё это богатство протянул вниз.

– Ну вот, это по-нашему. Окопника сразу видать, – заулыбался солдат. – А ну-ка, робяты, потеснись. Нехай станичник к нам спускается.

Я ухватился за края полка и легко спрыгнул вниз, благо что не надо было натягивать сапоги, они были на мне. Солдатик уважительно присвистнул, а другой, по виду вольноопределяющийся, не сдержавшись, проговорил:

– Да ты, служивый, настоящий богатырь.

Только теперь я заметил, что Семён Касьян был парнем хоть куда. Что ростом, что статью казак выдался на радость родителям и на погибель слабому полу. Молодец, приятно посмотреть.

– Это где ж такие богатыри рождаются? – поинтересовался щуплый солдат.

– С Амура я. Слыхали про такую реку на Дальнем Востоке?

– Как не слышать, слышали. Это где мы с японцем в девятьсот пятом годе воевали?

– Почти что. С японцами мы за Маньчжурию и Сахалин воевали. А река Амур чуток поближе будет, – попытался внести я полную ясность, хотя вполне обоснованно сомневался, поймут ли они это «чуток поближе».

– Ладно, садись, казак. Все мы тут из разных мест. Российская земля просторами богата.

Я протиснулся на предоставленное мне место и взял протянутую кружку.

– Ну что, братки, за прошедший год? За то, что войну мы эту проклятушую прикончили, – провозгласил первый тост обладатель густого баса.

Загремели солдатские кружки, затем все дружно выпили.

– А зелье-то у тебя, дядя, знатное, – переведя дух, вымолвил «щуплый».

– Ещё бы! На чистой пшенице сварено.

– Про окончание войны это ещё поглядеть надо, – неожиданно проговорил «вольноопределяющийся».

– А чего глядеть, штыки в землю и баста. Хватит, навоевались, – прогудел «бас».

– Не скажи, отец. В России все бунты заканчивались большой кровью. А тут революция. Умоется ещё Россия- матушка кровью, попомните моё слово. Да и с немцами вопрос ещё не закрыт. Кайзер-то свои войска домой уводить не торопится.

Пессимистический прогноз «вольнопределяющегося» на мгновение навёл на солдат тоску. Воевать никому не хотелось.

– Да вы сами-то на себя посмотрите. Зачем домой оружие тащите? – не унимался «вольнопределяющийся». – Сейчас на руках у народа столько оружия, что можно второй фронт открывать. С немцами мы временно замирились. Так в кого стрелять-то будем? То-то и оно. Друг в дружку будем стрелять.

– А ведь действительно, мужики, никто ведь оружие на передовой не оставил, – недоумённо присвистнул один из солдат.

Все посмотрели друг на друга, по-новому оценивая сложившуюся ситуацию. Ни один солдат не ехал без оружия.

– А ведь мы даже на полковом комитете постановили: оружие забираем по домам, – произнёс «щуплый».

– А кто больше всех за эту резолюцию горло драл?

– Ну, знамо дело, кто. Большевицкие агитаторы. Ну, там анархисты ещё и эсеры.

– Так вот теперь и поимейте своё мнение, кому эта война на руку.

– Ты большевиков не замай. У них курс верный. Ихний командир Ленин сразу после октября декреты о земле и о мире издал. Там очень верно всё прописано. Землю – крестьянам. Мир – народам.

– А зачем тогда оружие, ежели мир? – тупо продолжал допытываться один из солдат.

– Чтобы свою землю стеречь, – буркнул «бас».

– Дак от кого стеречь? Мир ведь! – продолжал «тупить» непонятливый солдатик.

– Да пошёл ты к такой-то матери, придурок! – в сердцах выругался заросший по самые глаза детина с нашивками старшего унтер-офицера конной артиллерии.

– Наливай, мужики, ещё по одной, а то на трезвую голову тут не разберёшься, –скомандовал «щуплый».

В кружках вновь забулькал самогон.

– Дадут землю или нет – это ещё бабушка надвое сказала. А вот кровушкой за неё заплатить, придётся. Это факт, – подвёл черту «вольнопределяющийся».

– Но ведь в декрете чёрным по белому прописано: землю крестьянам, – не унимался кто-то из солдат.

– Ага! – раздался чей-то весёлый голос. – А на заборе написаны три очень антересных буквы, а ежели приглядеться, то за ним – дрова лежат.

Окружающие рассмеялись.

– Ну, их всех к чёртовой родственнице. И большевиков и меньшевиков. Мы-то вот живые домой едем. А товарищев наших за четыре года великое множество схоронено и в родной земле и на чужбине. Давайте помянем их по нашему христианскому обычаю, – обращаясь к попутчикам, проникновенно сказал «щуплый».

Все на мгновение замолчали и выпили не чокаясь.

«Неизвестно кому ещё повезло, – подумал я. – А крови-то действительно прольётся немелено. Русский мужик долго запрягает, но уж если разойдётся, то добра не будет ни встречным, ни поперечным. А тут оружие раздали. По всем законам жанра ружьё обязательно должно стрельнуть».

После крепкого самогона в голове приятно зашумело. Мысли стали умными, а народ вокруг меня – добрым и свойским.

Незаметно промелькнул короткий зимний день, последний день года. По всему вагону стоял оживлённый гул: не мы одни оказались такими умными, да и самогон на Руси ещё не перевёлся.

Ближе к полуночи половина купе наконец-то утомилась, а самые выносливые продолжали разговоры. Вспоминали фронт и погибших товарищей.

– Вот скажи, казак, ты с каких поров на фронте? – пытал меня щуплый солдатик, которого звали Николай.

– Я всю войну в окопах, – ответил я, справедливо полагая, что, судя по количеству заслуженных наград, так оно и есть.

– Во! И я с четырнадцатого года воюю, – хлопнул меня по плечу Николай. – А ты в каких сражениях участвовал?

Кроме знаменитого прорыва генерала Брусилова, я других сражений первой мировой не знал, да и об этом-то читал где-то мельком. По-моему, что-то было у писателя-историка Пикуля.

– В шестнадцатом году участвовал в Брусиловском прорыве на Галицию. До этого воевал под Перемышлем. Сначала мы стояли в осаде, а затем его брали.

– Признаться, недолюбиваю я казаков, – приблизив своё лицо, прошептал мне в ухо «щуплый». – Но ты того... свой брат, окопник. Ну, если ты четыре года воевал, то и награды имеешь?

– Полный Георгиевский бант.

– Да ну! – протянул мой собеседник. – А я хотел тебе своим крестом похвастать.

– Давай-ка, Николай, спать ляжем. Завтра будем в Питере. Там трезвая голова понадобится.

– Давай, – согласно кивнул солдат и отвалился к стенке.

Я забрался на свою полку и, не обращая внимания на вонь и раздающийся со всех закоулков вагона богатырский храп, добросовестно уснул. Мне снилось, что я скачу на лошади в атаку, а мне навстречу Мюллер из знаменитого телесериала «Семнадцать мгновений весны». Я растерянно опускаю шашку. Мюллер тычет в меня пальцем и говорит: а вас, есаул, я попрошу остаться.

В этом месте вагон трянуло так, что я чуть не слетел с полки. Колёса заскрежетали, раздался паровозный гудок, состав судорожно дёрнулся и остановился.

В закопчённое окно вагона пробивался тусклый свет январского утра тысяча девятьсот восемнадцатого года. Поезд стоял на перроне Финляндского вокзала.

Мои попутчики, оживлённо переговариваясь, покидали купе.

– А ты что, Семён, дальше поедешь? – хохотнул Никола.

– Куда уж дальше... Приехали, – ответил я.

– Ну ладно, прощевай, служивый. Могёт быть, где-нибудь и свидимся, – попрощался он со мной и вышел из купе.

– Наверяд ли, – произнёс я вполголоса ему вслед. – Во всяком случае, мне бы этого очень не хотелось.

А ведь действительно, буквально через каких-то полгода, ослеплённые искусно подогретой классовой ненавистью, сойдутся в смертельной схватке две непримиримые силы, и пойдёт тогда брат на брата, сын на отца, отец на сына. И прольют они родную кровь на радость врагам земли русской.

После торжества революции потекут реки крови. До сих пор не подсчитано точно, сколько же всё-таки жизней было брошено на алтарь революции во имя победы идей коммунизма.

Глава 2. ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

Выйдя на перрон Финляндского вокзала, я вспомнил, как когда-то давно, в прошлой жизни, будучи солдатом Советской армии, я стоял здесь перед отправкой в Афган.

Мы тогда тоже ехали исполнять свой интернациональный долг по оказанию помощи афганской революции. До сих пор оказываем. Никто вслух не говорит, но для всех очевидно, что воюем мы там против афганского народа.

Я с интересом разглядывал строения вокзала. Ветер нёс по перрону обрывки газет и прочий мусор. Везде было грязно. Паровоз, на котором Ленин приехал из Финляндии делать революцию, ещё не стоял на вечной стоянке под стеклянным колпаком, и не было перед зданием вокзала памятника вождю революции с протянутой рукой. Колыбель двух революций только пробуждалась в своей классовой ненависти. Всё ещё было впереди, город-герой Ленинград поставит эти памятники, забыв про старую библейскую мудрость «Не сотвори себе кумира».

Но кроме всего прочего будет и кольцо блокады, будут сотни тысяч мирных жителей, умерших от голода, погибших при артобстрелах и бомбёжках и похороненных на Пискарьевском кладбище. Будет тоненькая ниточка, названная «дорогой жизни», сотни тысяч солдат погибнут под стенами этого прекрасного города.

Я опять буду стоять на перроне, ожидая отправки на войну, кто знает, какие ещё испытания выпадут на мою долю. А пока, поправив на плече ремень винтовки, я направился в здание вокзала, чтобы узнать расписание поездов на Москву. Хоть Ленинград и город моей юности, но задерживаться в нём не следует. Насколько я знаю, питерские рабочие, оплот и надежда революции, не очень-то любили казаков.

Все кассы вокзала были закрыты, а в зале ожидания было настоящее столпотворение, в основном одни военные.

– Э, браток, – обратился я к протискивавшемуся мимо меня солдатику, – а кассы когда откроются?

– Недавно приехал? – посмотрел тот насмешливо на меня.

– Ну да. Только что с фронта.

– Дак не работают-то кассы. Революция, браток. Теперича все поезда народные. Ездим бесплатно.

– Это как? – недоумённо посмотрел я на него.

– А очень просто. Кто исхитрится в вагон прорваться, тот и поедет.

– Да ну! А я в Бресте билет покупал.

– Обьегорили тебя, казачок, – жизнерадостно засмеялся солдатик. – Да ты не переживай, скоро мы все деньги отменим. Ни к чему они будут при новой жизни.

«Ага, – подумал я, – и тюрьмы сровняем с землёй. Где-то я уже это слышал: кто был ничем, тот станет всем. Затем мы новых тюрем понастроим, и в этих тюрьмах хватит места всем!»

Осознав, что цивилизованным путём уехать не удастся, я пошёл к дежурному по вокзалу. В помещении дежурного было так же тесно, как и в здании вокзала. Немолодой человек в железнодорожной фуражке тупо смотрел на ревушую и размахивающую оружием толпу и как бы не услышал моего вопроса. Было видно, что он смертельно устал.

«Да, – посочувствовал я ему, – в таком бардаке работать счастья мало. Пожалуй, здесь мне ничего не светит. Прежде чем что-то спрашивать у этого бедолаги, его надо на сутки отправить на психологическую адаптацию. Но поскольку здесь о такой ничего не известно, то придётся идти на перрон и выяснять всё там».

До меня неожиданно дошло. Чёрт побери! А ведь только что я приехал из Москвы. Другой железной дороги из Ленинграда в Москву просто не существует. Надо идти к тому же самому составу и узнавать, когда он тронется в обратный путь.

– А я почём знаю? – сердито ответил мне чумазый машинист. – Твёрдого расписания-то нет. Как дадут команду, так и поедет. Но, скорее всего, это будет ближе к вечеру. Нам ещё надо углём и водичкой заправиться.

Значит, у меня есть время для того, чтобы добыть себе немного продуктов на обратную дорогу, хотя это будет не так просто, и совершить небольшую экскурсию по местам моей юности.

Я вышел на парадное крыльцо вокзала. Всю площадь занимало огромное скопище военного люда. На импровизированной трибуне толпилась кучка людей. Один из них, слегка картавя, толкал речь. То и дело выбрасывая вперёд руку, он говорил о тяжёлом положении страны. О том, что временное перемирие на фронтах с германцами очень ненадёжно. Что необходим немедленный сепаратный мир на любых условиях. И что товарищи солдаты и матросы, отправляясь на Западный фронт, должны это прекрасно понимать.

– Что тут происходит? – толкнул я в бок стоявшего рядом солдата.

Тот недоумённо посмотрел на меня и ответил:

– Первые эшелоны новой социалистической армии отправляются на Западный фронт.

– А кто это выступает?

– Да откуда ты взялся? – удивился солдат моей неосведомлённости.

– С фронта, браток, с фронта.

– А, тогда понятно. А выступает товарищ Ленин – вождь мирового пролетариата.

Ну, ничего себе! Вот это да! Сам Ленин. Такого я не ожидал и стал протискиваться вперёд, чтобы получше рассмотреть историческую личность.

С большим трудом мне это удалось. Оказавшись в первых рядах, я стал жадно вглядываться в человека, благодаря которому жизнь на планете была поставлена с ног на голову. Сказать по правде, он меня сильно разочаровал. Подкачал Ильич со своей внешностью, и очень здорово. Рост – полтора метра с кепкой, лицо полутатарского типа, жиденькая бородка и усы, на лице какие-то нездоровые пятна.

Когда закончился митинг, сформированные полки отправились по эшелонам, а я пошёл по своим делам.

Начавшийся с утра снег к обеду превратился в слякотное месиво. Питерская погода была такой же промозглой и мокрой, как и в моё время. Хорошо, что хоть что-то на земле остаётся неизменным.

К обеду я уже отвоевал себе место в вагоне первого класса. В четырёхместном купе, кроме меня, находилось ещё семь человек. Среди них – пожилой господин в пенсне, ехавший вместе со своим семейством, которое состояло из супруги, чопорной матроны в годах, и двух очаровательных дочек романтического возраста. Также моими попутчиками оказались офицер и два нижних чина. Что и говорить, компания разномастная, но какие времена, такие и попутчики.

Зная о сложившейся на железной дороге ситуации, никто своих мест не покидал. Ждали отправления.

– Разрешите представиться: гвардии штабс-капитан Стрельников Сергей Антонович, – начал подбивать клинья к гражданским соседям сидящий рядом со мной офицер. Он встал и, назвав своё имя, пришёлкнул каблуками и склонил голову.

– Инженер Онуфриев, Иван Вольдемарович, – учтиво отрекомендовался гражданский, тоже встав и протянув белую холёную руку офицеру. – А это моя супруга Софья Андреевна и дочери Изольда Ивановна и Луиза Ивановна. – Дама ласково улыбнулась, а барышни одинаково порозовели.

В моей голове сработал некий сигнальный маячок – Луиза! Опять Луиза? Что это – случайность или рок? Ведь только русский человек, при таком отчестве, может назвать своих детей такими именами. Значит, всё-таки случайность?

Вальяжная внешность инженера прямо-таки кричала о принадлежности к миру богатых. Ну что ж, наверняка у него имеются причины сохранять своё инкогнито.

– Это унтер-офицеры моего полка, – указал штабс-капитан на сидящих рядом. – А кто вы, господин казак?

– Есаул Семён Касьян.

– Будем знакомы, – обрадовался Стрельников.

– Не кадровый. Я своё офицерство получил в окопах, – охладил я его пыл.

Хотя чёрт его знает, как я получил чин есаула на самом деле! Но мне показалось, что так будет убедительнее и вызовет больше доверия.

– Ну что вы, не прибедняйтесь. Чтобы получить чин офицера на передовой, нужно как минимум совершить подвиг.

– Ой, господин штабс-капитан, подвиги-то как раз совершают в штабах, а на фронте спокойная размеренная жизнь. Право, даже скучно.

– Ценю ваш юмор, есаул. Но вы ведь не станете отрицать, что штабы так же важны, как и передовая. Это азбука войны. Хоть я сам штабной, но воспринимаю это как вынужденную необходимость.

– Я с вами полностью согласен, господин штабс-капитан. А почему вы не представили своих однополчан?

– Я думаю, что они могут представиться сами. Ведь мы все теперь граждане одной республики, титулы и церемонии упраздняются.

– Унтер-офицер Серошеин Егор, – представился первый.

– Младший унтер-офицер Зимин Иван, – отрапортовал второй.

– Отличные солдаты, – похвалил их Стрельников. – Довоенной ещё закваски.

У меня внутри затикали стрелки невидимого будильника. Зимин – фамилия, конечно, распространённая, но всё же, чем чёрт не шутит. Может, это и есть та самая связь с Шамангорой, которую я пытался так безуспешно отыскать.

– А из какого вы будете полка? – скрывая свою заинтересованность, спросил я.

– Двадцать второй Сибирский стрелковый полк. Это навряд ли вам о чём-нибудь скажет, – ответил мне Стрельников.

Конечно же, номер полка мне ни о чём не говорил, но вот слово «Сибирский» в названии делало мои предположения более реальными.

– Ну почему же? Мы с вами почти что земляки. Я служу в третьем Амурском казачьем полку. Вернее сказать, служил, – поправил я сам себя.

– О, есаул, так не бывает! Ведь мы действительно с вами почти земляки. Я ведь сам с Забайкалья. Из Читы, – радостно удивился штабс-капитан.

– Ну, а я с Амура-реки. Из Хабаровска, – запнувшись на полуслове, ответил я.

С языка чуть не сорвалось, что я из Комсомольска-на-Амуре. Вот бы они рты открыли. Тогда-то и слова такого не было.

– А я ведь тоже с Амура, – словно бы чего-то стесняясь, произнёс Зимин. – Село Нижнетамбовское, Хабаровской губернии.

– Как же, слышал я про такое село. Там ведь у вас, кажется, волостная управа находится? – блеснул я своими познаниями в истории.

– Так точно, ваше благородие. Она самая, – заулыбался Зимин.

На вид ему было лет тридцать. Но, возможно, он был и моложе, война людей не молодит. «Вот она и связь и с Шаманом, и с Нижнетамбовским», – подумал я, а вслух спросил солдата:

– С какого года служишь, паря?

– В десятом году меня призвали, ваше благородие. Восьмой год пошёл уж как шинельношу. Если бы не революция, ещё четыре годочка родных мест не увидел бы.

– А я с лета четырнадцатого года. И вот что – не называй ты меня вашим благородием. Я ведь своё офицерство в окопах получил.

– Трудно отвыкнуть от того, что столько лет вбивали в голову. Да и порядок должен быть, – ответил он смущённо.

– Ну что я говорил, – гордо заметил Стрельников. – Старой закваски солдаты.

– И куда вы теперь? – поинтересовался я у своих попутчиков.

– Домой. Навоевались. Хватит, – ответил за всех штабс-капитан.

– Ну, так, значит, нам по пути. Я тоже домой.

– Господа, – вмешался в наш разговор инженер, – а ведь и мы тоже всем семейством хотим добраться до Владивостока.

– Ну, вот и подобрались попутчики на весь столь дальний путь, – заметил Стрельников, многозначительно бросив взгляд на девушек.

Сёстры кокетливо опустили глаза, при этом щёчки юных прелестниц вновь заметно порозовели.

«А капитан-то «ходок», – подумал я. – К концу пути кто-то за кого-то обязательно выйдет замуж. Дорога-то предстоит не ближняя. Судя по тому, как в то время ходили поезда, может и родить успеют».

Паровоз издал протяжный сиплый полустон-полу- гудок, и, отчаянно заскрежетав всеми сцепками, состав тронулся с места. Перед этим не последовало никаких гнусаво-равнодушных объявлений о том, что с такого-то пути отправляется пассажирский поезд. В общем, кто не успел, тот опоздал.

«Времена-то действительно беспредельные. Всем на всё наплевать», – почему-то с грустью подумалось мне.

– Господа, а не отобедать ли нам всей честной компанией? Да не опрокинуть по паре стопок «Шустовского»? – обратился к нам Онуфриев.

– Отчего бы и нет, Иван Вольдемарович? – отозвался штабс-капитан. – Ну что, есаул, потрясём своими запасами?

– Не извольте беспокоиться, господа офицеры. По поводу нашего знакомства я всех угощаю, – пресёк на корню наши попытки раскошелиться инженер Онуфриев.

С какой бы это радости инженеру делать такие широкие жесты? Не иначе как у господина инженера на нас имеются какие-то свои виды. Поживём, увидим. А возможно, он хочет просто задобрить своих потенциальных защитников. Времена-то наступили беспредельные. Путешествие с женским коллективом на берег Тихого океана чревато разного рода опасностями.

Прервав свои размышления, я стал наблюдать, как супруга и дочери инженера с энтузиазмом сервируют стол. Судя по угощению, инженер не бедствовал.

Я всё больше утверждался в своих подозрениях насчёт инженера. Скорее всего, это какой-нибудь богатый промышленник или финансист. Вовремя сообразил, что пора рвать когти.

– Господин инженер, разрешите полюбопытствовать? – обратился я к нему.

– Спрашивайте, господин есаул.

– А почему такой странный выбор пути? Через всю страну до Владивостока. Ведь нынешние времена не отличаются благопристойностью и спокойствием.

– Скажу вам по секрету, господин есаул, я хочу уехать за границу, а во Владивостоке у меня остались кое-какие незавершённые дела. Правда, у меня там имеется компаньон, но ведь вы сами давеча изволили сказать, что времена сейчас ненадёжные и доверять в такие смутные времена нельзя никому.

Девушки, носящие экзотические имена, закончили накрывать на стол.

– Прошу вас, господа, отведать чем Бог послал, – Иван Вольдемарович радушным жестом пригласил всех к столу.

А Бог послал по нынешним временам весьма обильное угощение. Здесь было мясо птицы, сырокопчёная колбаса, фрукты, различные деликатесы, при виде которых непроизвольно появлялась слюна.

– Господин капитан, прошу вас, разлейте господам военным водку, а дамам – вино, – попросила Стрельникова супруга инженера.

– С удовольствием, Софья Андреевна! – Стрельников галантно подхватил протянутые ему бутылки, ловкими движениями старого пьяницы открыл их и наполнил бокалы дам вином, а стопки мужчин водкой.

– Господа! – обратился ко всем Онуфриев. – Я бы хотел выпить за наше знакомство и за то, чтобы в Новом 1918 году все беды и несчастья миновали нас всех.

– Наверное, так и будет, – задумчиво произнёс штабс-капитан. – Во всяком случае, чертовски хочется в это верить.

Мы поставили опустошённую посуду на столик и принялись угощаться.

Вагонные колёса выстукивали своё извечное тук-тук.

Часов в десять все потихоньку стали определяться на ночлег. Мы со штабс-капитаном расположились на нижней полке, Онуфриев с супругой – напротив нас. Изольда и Луиза взобрались на верхнюю полку, а наши солдаты обосновались на противоположной.

Штабс-капитан и солдаты вышли в тамбур покурить на сон грядущий, я укутался поплотнее в шинель и прикрыл глаза, но уснуть не удавалось.

Перед глазами встало лицо моей подруги по 1860 году. Что случилось с моей Луизой и её сестрой? Во всяком случае, надежды на то, что мы когда-нибудь встретимся, нет никакой. Это ведь не в другой город переехать. Я хотел попасть обратно, в прошлое, и проиграл. Сердце защемило от нахлынувшей грусти.

Возвращаясь к Шаману, я тешил себя надеждой, что попаду обратно, к своим старым друзьям, но оказался во времени Великой смуты. Наверное, в этом есть какой-то смысл, суть его доступна только тому, кто знает правила игры. Я их пока не знал.

Луиза Ивановна этого времени чем-то неуловимо напоминает Луизу из прошлого. А ведь действительно! Тот же голос, та же плавная походка, те же черты лица, только у теперешней Луизы лицо более утончённое, более аристократичное. Та же изысканность движений, только у нынешней они немного мягче и женственней, она ведь немного старше моей Луизы.

Глаза у моей новой знакомой зелёные, а губы по-детски припухлые, ресницы длинные и завёрнуты почти до самых бровей.

От раздумий меня отвлёк скрежет открывающейся двери. «Что-то рано курильщики возвращаются», – подумал я.

– Господа, прошу всех сохранять спокойствие, – раздался от дверей громкий голос.

Я осторожно выглянул из-под шинели. К нам в купе, прикрыв за собой двери, втиснулись трое. Нагло ухмыляясь, они целились в нас из револьверов. А я этого почему-то не очень люблю.

– О, какая встреча! – обрадованно воскликнул холёный господин с выправкой кадрового военного. – Ваше сиятельство, собственной персоной...

С верхней полки из-под одеяла испуганно выглянули девушки.

– О, Изольда Ивановна, Луиза Ивановна! Моё вам почтение, – не переставая ехидно изображать радость неожиданной встречи, издевался холёный господин. – Сколько же времени судьба лишила нас такой приятной встречи? Подождите, сейчас вспомню... Не далее чем вчера я имел счастье быть вашим гостем. Изольда Ивановна, как же вы так? Как вы могли растоптать мои искренние чувства? А я, несчастный, тешил себя иллюзиями, что смогу стать вашим Тристаном.

– Что вы себе позволяете, господин ротмистр? Извольте объясниться, – дрожащим от негодования голосом вымолвил «инженер».

– Увольте, граф. Это я жду объяснений от вас.

– Каких объяснений?

– Очень простых. Почему в канун свадьбы от меня сбегает невеста? Почему я её, прошу заметить, господа, совершенно случайно встречаю в вагоне поезда Петроград – Москва?

– Господин ротмистр, я вовсе не желаю быть вашей женой! – раздался негодующий возглас Изольды.

– А, впрочем, это уже и не важно, – с гнусной ухмылкой отмахнулся ротмистр.

– Тогда зачем вы здесь и что вы хотите? – удивлённо произнёс граф.

– Ничего особенного, Иван Вольдемарович. Обычное банальное ограбление. Большевики называют это экспроприация. На руку вашей дочери я больше не претендую. Мне не нужны неверные невесты. Но моё гордое отринутое сердце не смогло смириться с нанесённым оскорблением, и я решил компенсировать невосполнимую утрату материально.

– Что вы себе позволяете! Немедленно прекратите паясничать и покиньте купе! – голос «инженера» сбился на фальцет.

– А если не покину, то что? В полицию нажалуетесь? Или товарищей большевиков пригласите? – не меня издевательского тона, спросил налётчик. – А вы, Иван Вольдемарович, хитрован. И как это вы умудрились от нас ускользнуть? Ума не приложу. Ну да ладно. Главное, что мы вновь вместе. Сейчас-то все накопления наверняка у вас с собой?

В коридоре раздались возмущенные голоса и шум непродолжительной борьбы. Я вспомнил, что оружие солдат осталось в купе. Только у штабс-капитана с собою был револьвер. Но, по всей вероятности, воспользоваться он им так и не успел, потому что выстрелов я не слышал.

– А вот и ваших защитничков, кажется, успокоили. – Удовлетворённо кивнул головой налётчик с повадками английского денди, после того как утих шум. – Так что, граф, не изволите ли удовлетворить мои материальные притязания?

– О чём вы говорите, я не понимаю... – голос инженера-графа потускнел.

– Полноте, дорогой Иван Вольдемарович, мы ведь с вами взрослые люди, – укоризненно покачал головой налётчик.

– Вы, ротмистр, ничего не получите. Это сбережения всей моей жизни, – продолжал по инерции сопротивляться инженер.

– Фи, какой вы, право, скряга. Надо легко расставаться с награбленным. Скольких людей вы пустили по миру, наживая свои капиталы? Молчите? То-то же... – ротмистр стоял, небрежно помахивая револьвером.

– Послушайте, ротмистр, не пора ли переходить к делу? – обратился к предводителю стоявший у него за плечом налётчик.

– Не волнуйтесь, Жорж, у нас уйма времени. Могу ведь я побеседовать со своими старыми знакомыми, тем более здесь присутствуют такие прелестные барышни, и одна из них моя бывшая невеста. А ведь если вы будете упрячиться, – ротмистр повернулся к Онуфриеву, – нам придётся заняться вашими милыми дочками. Я как жених имею право первой брачной ночи с одной из них?

– Вы не посмеете, ведь вы дворянин... – беспомощно бормотал тот.

– Я-то дворянин, а вот мои друзья не имеют дворянских кровей. Им не смогут помешать ложные представления нашего круга о чести и морали сделать с вашими дочерьми... что-нибудь нехорошее.

– Я уже готов приступить к этому... – из-за плеча ротмистра показалось лицо похотливого маньяка-убийцы. – Люблю, когда передо мной на коленях ползают такие красивые барышни голубых кровей.

Он нагло оттолкнул ротмистра и решительным движением сдёрнул с полки девушек одеяло. Те от сковавшего их страха даже не могли кричать. Они, как кролики на удава, смотрели

на своего мучителя. Взгляды, полные отчаяния и страха, метались с одного лица непрошенных гостей на другое.

– Что разлеглись, сучки? Дядя желает большой и нежной любви. Хорошо меня ублажите, может быть, оставлю вас в живых.

– Послушай, Серж, уж не хочешь ли ты прямо здесь лишить этих милых крошек невинности? – недовольно поморщившись, спросил его ротмистр.

– А почему бы и нет! Кто мне сможет помешать?

– Вот видите, граф, что вы наделали! Теперь даже я не смогу остановить этого хама, – ротмистр артистично развёл руками.

– Господа, господа... Вы ведь люди... – В голосе «инженера» послышалась паника. – Заберите всё, что у нас имеется, и оставьте мою семью в покое.

– Поздно, старый осёл, раньше надо было думать.

Серж грубо схватил за руку лежащую с краю Изольду и попытался стянуть её на пол, но не тут-то было. Бедная девушка, что было сил, ухватилась за свою сестру, та – за полку.

Я понял, что ситуация перестала быть интимной.

Увлечённые вознёй, присутствующие совершенно забыли о моём существовании. Это был опрометчивый поступок. Такая невнимательность обычно дорого стоит, в данном случае она сократила продолжительность жизни бандитов.

Я начал стрелять прямо через шинель. Первым пал Серж. Пагубная страсть к сексуальным играм отрицательно сказалась на его здоровье: вздрогнув, он недоумённо обвёл взглядом купе, выпустил руку своей жертвы и повалился на пол.

Первым на мой выстрел среагировал ротмистр, что лишний раз подтвердило то, что он был неплохим военным, но, видно, недостаточно хорошим. Потому что на одно мгновение раньше раздался выстрел моего револьвера – лоб ротмистра украсило лишнее отверстие. А так как Всевышний не предусмотрел дополнительного отверстия при конструировании грешного тела вояки, то через проделанное мною и вылетела развращенная душа грешника.

Как только прозвучали первые два выстрела, подельник бандитов Жорж, прикрытый от меня ротмистром, попытался выскользнуть в коридор. Но туго открывающаяся, несмазанная дверь и безжизненное тело ротмистра, отброшенное на него выстрелом, лишили Жоржа такого манёвра.

К этому времени я уже был на ногах. Мой револьвер выплюнул порцию очередной смерти, и душа несчастного Жоржа полетела догонять чёрные души своих товарищей.

Оставшийся револьверный заряд я выпустил в направлении шума за дверью купе. Очевидно, товарищи бандитов, оставшиеся в коридоре, заинтересовались, почему у нас так шумно? Быть любознательным совсем неплохо, однако в данном случае это было очень опасно, скажу больше – смертельно опасно, что подтвердили душераздирающие вопли, раздавшиеся из-за двери, также грохот, который производят падающие на пол тела.

– Не двигаться! – предупредил я попытку членов семьи «инженера» подняться со своих мест. В купе и так было слишком тесно, а за дверью началась беспорядочная стрельба. Я присел рядом с поверженными телами и принялся перезаряжать револьвер.

Интересно, сколько нападавших осталось в живых? И что они решили предпринять? Что с нашими военными попутчиками?

Ответы на тревожащие меня вопросы я стал получать буквально через минуту, причём эти ответы были озвучены голосом штабс-капитана Стрельникова.

– Есаул, как вы там? Живы?

– Мы-то живы, а как у вас дела? – ответил я ему сквозь перегородку.

– Унтера Серошеина наповал, а мы с Зиминим вроде бы целые, – раздался в ответ спокойный голос.

Я рывком открыл дверь и осторожно выглянул наружу: на полу коридора лежали четыре трупа, среди них я увидел и Серошеина.

– Четыре года в окопах и ничего, – сказал Зимин. – А здесь от каких-то варнаков – наповал.

– Я бы не сказал. Не совсем уж это и бандиты. По крайней мере, один из них при жизни был ротмистром, – произнёс я, внимательно разглядывая погибших.

Одеты бывшие бандиты были вполне прилично: двое в офицерских шинелях без погон, а третий в нагольном полушубке.

– Сдаётся мне, штабс-капитан, что эти романтики с большой дороги – наши с вами бывшие товарищи по оружию, – кивнул я на трупы.

– Вы правы, есаул. Выражались они вполне литературным языком, вежливо отняли у меня револьвер. Мы даже и охнуть не успели.

Из рабочего тамбура к нам протискивался кондуктор.

– Господа, с ними был ещё один. Он караулил меня в моём купе, а после всего произошедшего сбежал в соседний вагон, – испуганно сообщил он нам.

– Давайте-ка уберем трупы, а после будем разбираться, что тут произошло, – предложил я.

Набежавший из соседних купе народ, как бы заглаживая то, что никто не пришёл к нам на помощь, помог вынести тела погибших в тамбур вагона.

– Через час будет Новгород. Там мы сможем выгрузить трупы бандитов, – сообщил кондуктор. – А пока пусть полежат там.

– Милейший, нужно убрать следы крови в нашем купе. С нами едут дамы. Они к таким зрелищам не привыкшие, – обратился к кондуктору штабс-капитан.

– Не извольте беспокоиться. Всё будет исполнено в лучшем виде, – заверил нас кондуктор.

Пока убрали в купе, мы молча стояли в коридоре.

– Проходите, господа, всё в порядке, – пригласил кондуктор наконец.

Войдя в купе, мы свалили в углу изъятые у бандитов оружие и боеприпасы. Среди наших трофеев оказались деньги и несколько золотых вещей. Рассевшись по своим местам, мы молча смотрели друг на друга.

– Рассказывайте, есаул, как вам удалось справиться с тремя негодьями? – прервал затянувшееся молчание штабс-капитан.

– Повезло. Один из бандитов оказался слишком охоч до женского общества. Ну, я и не упустил свой шанс. Благо револьвер был под рукой.

– Да что вы, господин есаул, вы настоящий герой. Видно, не зря вас за подвиги произвели в офицерский чин, – восторженно проговорил мнимый инженер.

– А как вам удалось вернуть своё оружие? – спросил я Стрельникова.

– С вашей помощью. Двоих вы подстрелили, этого оказалось достаточным, чтобы мы с Иваном справились с оставшимся. Правда, один из ваших подранков оказался легко раненым. Но пока он был в шоке, мы всё и закончили, а потом он очнулся... и Серошеина.

Мы помолчали.

– Жаль, что в живых никого не осталось. Не мешало бы пообщаться. Узнать, сколько их было всего. Почему они на нас напали? Хотя, по-моему, на последний вопрос нам сможет ответить господин инженер. Или как вас там на самом деле? – повернулся я к Онуфриеву.

– Прошу меня великодушно простить, господа офицеры. Но я не мог вам открыться. У меня семья. Прежде всего, я радел об их безопасности, – виновато развёл руками «инженер». – Эти люди действительно вели охоту за мной. Вернее, за тем, что я везу.

– Очень интересно, господин Онуфриев. Но нам бы не мешало знать об этом раньше. Возможно, и наш воин остался бы жив. А за есаула вам вообще нужно Богу молиться, – прервал его Стрельников.

– Да, да, вы совершенно правы. Но уж простите меня, старика. Не за себя боялся.

– Бог вам судья. Рассказывайте, – нетерпеливо поморщился я. – Возможно, времени у нас меньше, чем вы предполагаете.

– Господа, я расскажу вам всё как есть. А дальше решайте сами, как вам быть. В вашей храбрости и порядочности я уже убедился. До революции я был золотопромышленником. Мои прииски находятся на Дальнем Востоке. Вот основная причина, по которой я со своим семейством еду на вашу родину. Мне необходимо закончить там все свои дела. Я разговаривал по телеграфу со своим компаньоном. Он сказал, что на Дальнем Востоке большевистская зараза распространяется не так быстро. И если действовать решительно, то кое-что из своих капиталов можно ещё спасти.

– Да, но каким образом это имеет отношение к происходящему, – спросил штабс-капитан.

– Дело в том, что я коллекционер. У меня очень представительная коллекция ювелирных украшений.

– И всё это вы везёте с собой? – удивился я.

– Да, господа, коллекция при мне. Через Брест её не вывезешь. Говорят, что большевики поставили свои кордоны. Специально для таких, как мы. Вот мне и пришлось ехать под видом инженера.

– А как об этом стало известно бандитам?

– Ротмистр Обручев давний знакомый нашей семьи. Ещё по довоенным временам. Перед самой войной он просил руки моей старшей дочери Изольды. Но, полагая, что его поступками движет не любовь, а корыстные побуждения, я ему отказал, ибо счастье моих дочерей для меня превыше всего.

– Не надо лирики, господин коллекционер, – прервал я его. – Мы охотно верим, что вы искренне печётесь о будущем своих детей.

– Два месяца назад ротмистр появился в Петрограде. Он заявился к нам с какими-то тёмными личностями. Теперь он стал не просить, а требовать, чтобы я дал согласие на его брак с Изольдой. Теперь уже и моя дочь поняла, сколь низок поступками этот человек. Она стала умолять меня оградить её от притязаний этого скота. А что я мог сделать? Ведь сейчас в родном отечестве не стало закона, а обращаться за помощью к новым властям бессмысленно. А тут ещё и младшая Луиза попала ему на глаза. Перед войной-то ей было всего четырнадцать лет. А тут она расцвела и превратилась в настоящую барышню.

При последних словах отца расцветшая «настоящая барышня» покрылась румянцем и бросила на меня дерзкий взгляд, при этом её зелёные глаза ярко полыхнули в мерцающем свете керосиновой лампы.

Ну что ж, слова графа не на много расходились с действительностью. Я хотел сказать, что на самом деле девушка выглядела гораздо лучше оценки отца.

«У беды глаза зелёные, не простят, не пощадят», – пришли на ум слова песни далёкого прошлого. Или будущего?

Между тем, не замечая наших переглядываний, граф подходил к окончанию своей нерастойчивой эпопеи.

– Вот он и стал угрожать, что мы без опеки пропадём. Что, мол, времена опасные. Над девицами может кто угодно надругаться. А будет ещё хуже, если большевики прознают про драгоценности. Тогда можно и к стенке угодить.

Мне ничего не оставалось делать, как дать согласие, а самому готовить побег из города. И вот вроде бы всё удалось, ан нет, он со своими приспешниками нас выследил, – закончил Иван Вольдемарович.

Я перевёл взгляд на девушек. Всё-таки в ранешние времена, в отличие от наших, порядочность и чистоту девушкам прививали с самого детства, ведь не испугались наглых притязаний хама в погонах.

Заметив мой взгляд, Луиза на мгновение опустила ресницы, но тут же открыто посмотрела мне в глаза. «Я знаю, что я хороша, – говорили её глаза, – но хорош ли ты?» Я слегка усмехнулся и незаметно для окружающих подмигнул юному созданию.

Мне показалось, что во взгляде девушки промелькнуло недоумение. Наверное, за ней никто не пытался ухаживать таким вульгарным способом. Ну что же, всё когда-то происходит впервые.

– Вот и всё! – Иван Вольдемарович внимательно посмотрел на нас. – А теперь я отдаю на ваш суд себя и своё семейство. Если вы мне поможете добраться до Владивостока, то я щедро оплачу ваши труды и риск.

Я, штабс-капитан и унтер-офицер переглянулись. Мы прекрасно понимали, что эта затея очень рискованная.

– А кто ещё посвящён в тайну ваших сокровищ? – спросил штабс-капитан.

– Уверю вас, господа, что больше никто. Вернее, больше никто не знает о том, что мы направляемся во Владивосток.

– Да, но ведь есть ещё сбежавший бандит, и сколько их ещё находится в нашем составе, одному Богу известно, – заметил я.

– А ведь если мы думаем помочь господину коллекционеру, то нужно немедленно действовать, – озабоченно произнёс Стрельников. – Если этих негодяев и осталось двое или трое, то они без труда навербуют себе волонтеров среди разного отребья, промышляющего в этом составе.

– Вы правы, штабс-капитан. Медлить нельзя. Нужно взять кондуктора и прочесать все вагоны, начиная с того, в котором скрылся бандит, – поддержал я его.

– Иван, – обратился штабс-капитан к Зимину, – ты как – с нами или нет?

– Да вроде бы негоже мне от вас отбиваться, ваше благородие. Вовместях оно и батьку сподручнее бить, – не раздумывая, ответил мой земляк.

Штабс-капитан удовлетворённо махнул головой. Было видно, что он ни на минуту не сомневался в ответе младшего по званию. Стрельников отдал несколько распоряжений.

– Останешься здесь. Выбери себе из кучи револьвер, будешь охранять этих господ. А мы с есаулом пойдём вылавливать остальных бандитов. Кроме нас, никому не открывай. Будут рваться вовнутрь, стреляй прямо через двери. Видел, как у господина есаула ловко вышло? Справишься?

– Не сумлевайтесь, ваше благородие, уж што-што, а воевать мы могём, – улыбнувшись, молодцевато отрапортовал Зимин.

– Ну и добре. Что, есаул, в добрый путь?

Мы надели шинели. Я в каждый карман положил по револьверу, нож пристроил в сапоге.

– Господа офицеры, может, на дорожку по сто грамм боевых? – робко спросил нас обладатель коллекции.

– А что, наливайте! Для куражу сгодится, – одобрительно поддержал штабс-капитан. – Как вы, есаул, не против?

Я был не против.

Поставив на столик пустую посуду, мы повернулись к выходу.

– Господа офицеры! – раздался за спиной нежный девичий голосок. – Берегите себя.

Мы удивлённо оглянулись назад. Раскрасневшаяся Изольда протягивала нам по кусочку хлеба с ветчиной.

– Закушайте, пожалуйста, водку, – смущённо проговорила она.

– Из ваших рук, мадмуазель, мы примем всё, – галантно произнёс штабс-капитан. – Ну, а вы уж тут постарайтесь не скучать во время нашего отсутствия.

Кондуктора мы отыскивали быстро.

– Послушайте, милейший, вы запомнили того бандита, который держал вас под арестом? – спросил его Стрельников.

– А как же. Я его за сто вёрст узнаю, господа...

– Ну, вот и прекрасно. Пойдёмте его опознавать, – проговорил штабс-капитан.

– Не извольте беспокоиться, господа. Вот это с превеликим удовольствием. Это ж только подумать, что сотворить хотели сволочи!

– Только если узнаете, не тычьте в него пальцем и не кричите. Пройдём мимо, а потом тихонько скажете, – попросил я кондуктора. – Нам лишний шум ни к чему.

– Как же, понимаю-с. Всё будет в наилучшем виде.

– Ну, тогда вперёд! – скомандовал штабс-капитан.

Только в третьем по счёту вагоне мы обнаружили беглеца. Всё получилось не совсем так, как мы планировали. Беглец был не в вагоне, а в тамбуре, и не один. Открыв двери тамбура, кондуктор неожиданно отпрянул назад, но мы были начеку. Оба револьвера моментально оказались у меня в руках. По всей вероятности, у бандитов проходила рабочая пятиминутка, во всяком случае увидеть нас они никак не ожидали.

Воспользовавшись предоставленным шансом и фактором неожиданности, мы открыли беглый огонь. В этой войне пленных не берут, хотя один нам бы всё-таки сгодился.

– Одного берём живым, – успел я крикнуть штабс-капитану.

После того как смолкли выстрелы, на заплёванном полу лежало два трупа. Третий бандит, воя от боли, катался по полу рядом с поделниками. Он был ранен в руку.

– Вовремя мы, – обратился я к штабс-капитану. – Не успели ещё себе помощничков на вербовать.

– А ну заткнись, падаль! – штабс-капитан брезгливо поддел пинком под рёбра неудачливого бандюгана.

– А это ведь тот самый, что давеча меня в купе держал, – радостно доложил из-за спины кондуктор. – Что, курва, допрыгался? – он тоже попытался пнуть бандита.

– Ладно, милейший, можете идти, а мы здесь с господином разбойником сами потолкуем, – охладил его рвение штабс-капитан.

Тот согласно закивал головой и покинул тамбур. Я поплотнее прикрыл дверь.

– Жить хочешь, мразь? – ласково обратился я к поверженному врагу.

– А кто ж не хочет? – скуля и подвывая, словно щенок, ответил бандит.

– Ну, тогда поведай нам, кто вы такие? Сколько ещё ваших товарищей едет в этом поезде?

– В поезде больше никого нет. Вы всех побиили. Наняли нас на работу позавчера два незнакомых господина по виду офицеры. Сказали, что дело плёвое. Даже и стрелять не придётся. Прижмём, мол, одного богатея, он и выложит нам бриллианты и золото. А оно вон как обернулось... – скороговоркой прочастил бандит и добавил: – Не убивайте, ваши благородия, у меня дома жена и малые дети.

Мы переглянулись. Главное было выяснено: в поезде бандитов не осталось.

– Ну, насчёт детей и жены ты, положим, брешешь, дорогуша. Кто с таким недоделанным будет свою судьбу связывать? Разве что такая же убогая, как и ты, – брезгливо поморщился штабс-капитан.

Обыскав трупы, мы забрали у них оружие.

– Убивать мы тебя не будем, а вот путешествие твоё заканчивается, – объяснил я раненому. – Так что, давай, скоренько перевязывай свою руку и вон из вагона.

– Вы ведь обещали меня не убивать... – перепугался раненый.

– Правильно. Мы и не убиваем. Но и того, что поедешь с нами дальше, тебе тоже никто не обещал, – ухмыльнулся штабс-капитан.

– Время идёт, дружок. Или перевязывайся, или выйдешь прямо так, – поторопил я бандита.

Раненый суетливо перетянул рану и нерешительно поднялся. Штабс-капитан предупредительно открыл перед ним двери.

Морозный поток воздуха ворвался в распахнутые двери. Бандит испуганно потоптался на месте, его лицо превратилось в маску ужаса и страха.

– Да иди уже, болезный. А то весь вагон выстудишь, – мощный пинок штабс-капитана помог негодяю побороть все сомнения и благополучно покинуть вагон.

Следом за ним отправились трупы остальных бандитов, после чего мы вернулись в вагон к своим попутчикам.

– Всё в порядке, господа? – бросился к нам навстречу золотопромышленник.

– Вашими молитвами, господин Онуфриев, – ответил ему Стрельников.

Мы ещё полчаса посовещались, а затем легли спать. Было принято решение, что спать будем по очереди, один из нас постоянно будет находиться на посту.

Но до Москвы больше ничего особенного не произошло. Мы отсыпались и отъедались на дармовых харчах. Заботу о нашем питании взял на себя наш подопечный.

Глава 3. ЭКСКУРСИЯ В ПРОШЛОЕ

Москва Златоглавая встретила нас ясным солнечным днём. Площадь трёх вокзалов, куда прибыл наш состав, бурлила живым людским водоворотом. Повсюду носились запыленные пассажиры, металась агитаторы и разносчики газет.

С вокзалов Москвы одурманенные политагитацией люди разъезжались во все уголки России. Услышанное, в искажённой и переименованной форме, доводилось до восприимчивых умов земляков. Это был настоящий Клондайк для агитации, и политические шарлатаны бессовестно дурманили мозги безграмотному и забитому народу России.

В течение целой недели мы, как ни старались, не могли попасть ни на один поезд. За это время мы познакомились с программами всех политических партий России. Иван Зимин как угорелый носился с одного митинга на другой. Ветер перемен захватил наивного человека, выдувая остатки разума.

Надо бы поговорить с Иваном, а то, не дай Бог, запишется в какой-нибудь отряд и пойдёт защищать революцию или самодержавие, решили мы со штабс-капитаном. Но намерение осуществить не успели, последовавшие события изменили наши планы: мы попали в облаву – таким образом Красная гвардия пополняла свои ряды.

В этот день штабс-капитан остался охранять наших подопечных. Мы же с Иваном отправились поглазеть на Москву.

В прошлой жизни я был в Москве всего один раз, и то проездом. Но Москва тех лет разительно отличалась. За прошедшие шестьдесят пять лет внешний облик столицы здорово изменился. Единственное, что осталось неизменным, это грязь на улицах. Естественно, об этом я вслух говорить не стал.

К обеду мы с Иваном забрели в какой-то трактир и заказали себе еды и водки. После того как мы приняли на грудь по паре рюмок, я решил расспросить его о селе Нижнетамбовское. Мне было весьма интересно знать, какие изменения произошли в селе за минувшие пятьдесят с лишним лет? Я с грустью подумал, что мои друзья-первопоселенцы, с кем я провёл лето на Амуре в начале 1860 годов, уже наверняка прожили отмерянный им век.

– Слушай, Иван, а сколько тебе лет? – спросил я у солдата.

– Двадцать восемь, ваше благородие, – ответил тот.

– А мне двадцать три, – сказал я задумчиво.

– Молодость всегда безрассудна, – понял по-своему он мою задумчивость.

– Ты это о чём?

– Дак я об том, что вас за геройство в офицеры произвели. Пока молодые, дак кажется, что смерти нет. И вытворяем всяческие безрассудства.

– А разве не бывает таких ситуаций, что другого выхода просто не существует? Ты бы и рад схорониться, но тогда наверняка погибнешь.

– Э, ваше благородие, я столько годов в окопах, давно приметил, что в такие ситуации попадают те люди, которые от них не бегают. А иные-протчие могут всю жисть прожить и в такую ситуацию никогда не попасть. Не дано им это.

– Да ты, брат, философ, – протянул я удивлённо.

Меня поразила ясность мыслей дальневосточного мужика и умение их правильно изложить.

– Послушай, Иван, ты бы прекратил меня «вашим благородием» кликать. Дворянских кровей во мне не течёт.

– Привык я уже. Если по-другому, то мне самому неловко будет. Пускай уж лучше так, – Зимин посмотрел мне прямо в глаза.

– Ну что ж, смотри сам. Если тебе лучше так, то пускай будет так, – я протянул ему руку. – Без обид?

– А какие могут быть обиды? В мире должен быть порядок, а иначе получится сплошное недоразумение.

Я снова приятно изумился житейской мудрости своего земляка.

– Послушай, Иван, а ты грамотный? – задал я ему очередной вопрос.

– А то как же, обучен. У нас ведь в селе и школа имеется. Церковно-приходская. Я ведь когда-то был среди первых учеников.

– Ты что ж, учился на одни отличные оценки? – недоверчиво переспросил я его.

– Да нет, – засмутился Иван. – В девятисотом году у нас открылась школа, я, значит, десяти лет от роду и пошёл учиться.

– А учился, значит, плохо? – засмеялся я.

– Да нет. Как все, – окончательно засмутился земляк и махнул рукой. – А ну вас, ваше благородие.

– Ладно, брат, не тушуйся. Я тоже не отличник, – успокоил я его. – Ты лучше расскажи мне о своём селе, о его жителях.

– А что рассказать-то?

– Да всё подряд. Сколько у вас проживает людей, чем занимаются, как живут – богато или бедно... Жив ли кто был из первых поселенцев, когда ты уходил на службу...

– А отчего у вас такой интерес к нашему селу? Вроде бы ничего особенного оно собой не представляет, – удивился солдат.

– Просто дед мой бывал в ваших местах во время амурских сплавов первых поселенцев. Вот он и рассказывал мне, что охранял продовольственные склады, которые находились на месте вашего села, – соврал я Ивану.

Соврал я только насчёт деда, а склады там действительно находились. На военные посты, разбросанные по берегам Амура, заблаговременно завозились продукты питания, для того чтобы сплавающие вниз и поднимающиеся вверх воинские отряды и переселенцы не погибли от голода.

– А давайте я вам лучше бумажки дам, в которых всё что надо про это прописано, – склонился ко мне Иван.

– Не понял, что за бумажки?

– В девятьсот восьмом годе приезжал к нам из Хабаровска важный чиновник. По фамилии Дмитрий Александрович Архангельский. Задание ему было дано самим генерал-губернатором описать по всем амурским сёлам всё как есть: сколько людишек, животины и всякого прот- чего имущества имеется во всех этих сёлах и в каком достатке проживают подданные его императорского величества.

– Перепись населения, что ли? – перебил я его.

– Во-во, она самая. И постановило наше общество меня и Ваньку Сысоева дать ему в помочь. Мы помогали ему обходить подворья и вести подсчёт имущества, а перед самым его отъездом я взял да переписал всё это себе.

– А как они у тебя здесь оказались? – недоумевал я.

– Дак взял я на долгую память о своей родной стороне. Служить-то не год и не два, а цельных двенадцать годочков.

– Ну, ты даёшь! – других слов у меня больше не нашлось. – Давай свои бумажки.

Интересно, как проводили переписи при царском режиме?

Иван бережно достал из вещмешка жестяную баночку из-под леденцов, осторожно извлёк из неё несколько листов твёрдой бумаги и подал мне.

С В Е Д Е Н И Я

об экономическом положении русского селения

Нижнетамбовское, собранные помощником делопроизводителя канцелярии Приамурского генерал-губернатора Д.А. Архангельским в июле, августе и сентябре 1908 года

Селение расположено на правом возвышенном берегу Амура и находится от Гячи в 13 верстах, от Среднетамбовского – в 28, от Шелеховой – в 21 и от Хабаровска – в 453 верстах.

Здесь находится волостное правление, летом имеется правильное почтово-пассажирское сообщение, а зимою – на лошадях по льду Амура.

Селение основано в 1864 году¹ переселенцами из Тамбовской губернии. Вблизи селения приблизительно в 1 версте расстояния находится станция беспроволочного телеграфа, где проживают офицер и команда в 43 нижних чина.

В настоящее время в Нижнетамбовском находится 22 двора, из коих имеется по два дома – 4 домохозяйина; дома, за исключением двух крытых железом, покрыты тёсом. Многие дома недавней постройки большие. Вообще селение производит впечатление полной зажиточности. Дома расположены по одной улице, тянущейся вдоль берега, и другой – перпендикулярно к первой, всего на протяжении свыше одной версты.

Жителей имеется 269 душ обоого пола, из коих мужчин 130, женщин 139.

Наибольшая семья состоит из 30 душ, две по 20, три по 15 и наименьшая – из 5 душ обоого пола.

Кроме постоянных жителей, в селе проживает временно более или менее продолжительное время от 40 до 60 человек по большей части из ссыльных и корейцев. Все они живут в работниках, а также некоторые занимаются бондарством и плотничеством. Лошадей имеется 220, из них 178 рабочих и 42 нерабочих, в том числе кобылиц 52, жеребцов – 12, мерин – 118, жеребят – 38.

Рогатого скота – 282 головы, из них коров дойных – 87, недойных – 96, поросят – 14, телят разного возраста и пола – 85. Свиной и поросят – 38, куриц – 210, уток – 70, гусей – 16.

Итого на каждый двор приходится по 10 лошадей, по 19,9 рогатого скота, по 1,8 свиной, по 13,5 куриц, гусей и уток. Безлошадных и бескоровных дворов нет.

---

¹ Сведения неверные. Оказывается, всего лишь через 48 лет после основания в официальных бумагах уже писали неверные даты. На самом деле, село было основано в августе 1861 года семьями братьев Шишкиных, а в 1862 году к ним переехали из села Среднетамбовское ещё четыре семьи.

На зимние рыбалки осетров нанимают пропорционально количеству снастей 16 человек, на кетовую рыбалку – до 50 человек. Плата рабочим такая же, как и в соседних селениях. Рыбной ловлей занимаются все жители без исключения.

В минувшем году изловлено 25 600 пудов кеты, из коих оставлено для себя 3200 пудов и продано благовещенским пароходоладельцам 22 400 пудов, по 60 копеек за пуд, на 13 440 рублей; 550 пудов кетовой икры, по 5 рублей, на 2750 рублей. Осетров продано до 400 пудов и калуг – до 250 пудов, осетровой икры – 16 пудов. Всю эту добычу, за исключением 100 пудов калуг, оставленных для себя, вози-

ли сами в Хабаровск, где и продали осетрину по 6 рублей, калужину по 4 рубля и икру по 60 рублей за пуд – всего на 3960 рублей.

А всего от рыболовного промысла выручено 20 150 рублей – по 916 рублей в среднем на двор.

Земледелием жители не занимаются.

Почтовая гоньба отбывается в двух станциях в Нижнетамбовском и в Гячи за 5616 рублей в год, а всего с прогона и с проезжающих выручается свыше 6000 рублей в год, по 300 рублей в среднем на двор. Условия отбывания почтовой гоньбы те же, что и в других предыдущих селениях – станции содержатся несколькими главными пайщиками, имеющими по несколько побочных компаньонов.

От отдачи внаём семи квартир выручается в год 1612 рублей. Квартиры сдаются почтово-телеграфному отделению и его чинам, акцизному надсмотрщику, объездчику, торгующему китайцу и другим.

Кроме сего пятью дворами изготавливается в год на продажу до 200 бочек для засолки кеты, всего на 700 рублей. Других заработков никаких не имеется.

Итого по подсчёту за 1907 год населением заработано 33 622 рубля, по 1530 рублей в среднем на каждый двор. В 1905, 1906 годах, по словам жителей, зарабатывалось в несколько раз больше.

В текущем году в селении открыто четыре торговые лавки с порядочными запасами товаров, благодаря чему зимой цены будут, вероятно, невысокие. В селении имеется общественный ренсковый² погреб, продающий ежегодно от 800 до 1000 вёдер водки по 11-12 рублей за ведро. Чистого дохода общество имеет в год свыше 2500 рублей, а всего в настоящее время имеется общественных сумм 17 500 рублей, которые хранятся в 4-процентной Государственной ренте в Хабаровском отделении банка.

Общественные суммы расходуются: жалование старосте – 120 рублей, писарю – 240 – " – сидельцу – 450 – " – сторожам при школе – 180 – " – при церкви – 120 – " —

освещение, отопление школы и церкви – 120 – " —

земская квартира – 96 – " —

квартира фельдшеру — 96 – " —

податей в земские суммы – 67 рублей 13 копеек

волостные – 274 рубля 70 копеек

церковно-попечительские – 287 рублей

в запасный продовольственный капитал – 82 рубля.

Натуральные повинности отбываются зимой и летом – подводные. При переводе на деньги падает на двор до 10 рублей.

Волостного капитала ежегодно собирается около 2800 рублей, каковые расходуются:

жалование волостному писарю – 1200 рублей,

старшине – 500 – " —

---

² Ренсковый погреб (от искаженного названия рейнских вин; ср. рейнвейн, вино с Рейна) – торговая лавка с продажей водки и виноградных вин.

сторожу при правлении – 180 – " —
прогоны волостной администрации до – 500 – " —
отопление, освещение правления – 100 – " —
канцелярские расходы – 200 рублей.

Запасного продовольственного магазина нет. Общеволостной запасный капитал имеется в сумме 1547 рублей 70 копеек, которые хранятся в процентных бумагах в Государственной сберегательной кассе.

В селении имеется церковно-приходская школа, помещающаяся в просторном здании, имеются две классные комнаты и помещение из двух комнат для учителя. Прежде в этом же здании помещалась миссионерская школа, но три года назад почему-то закрыта. Приходская школа существует с 1900 года, которую со дня основания и до настоящего времени окончило 30 учеников. В зиму минувшего года посещало 32 ученика обоего пола, хотя детей школьного возраста имеется вдвое больше. Всего грамотных насчитывается не более 70 человек, или 26 процентов населения.

В селении находится большая, лучшая по всему низовью Амура, церковь, имеющая три входа, но священника нет уже третий год по неизвестным жителям причинам. В большие праздники и для исполнения треб приезжает Среднетамбовский священник.

Венерических болезней не замечалось, прокаженные были в трёх семьях, но все отправлены в Николаевский лепрозорий; в настоящее время подозреваются больные проказою в тех же семьях в значительном числе, так как эти семьи, особенно братьев Нацвиных, – одни из самых больших. По некоторым данным со слов жителей, можно заключить, что в Нижнетамбовском проказа свила прочное гнездо. При обыкновенных заболеваниях лечатся своими средствами, так как врачебная помощь населению совершенно не организована и, хотя в деревне находится ротный фельдшер, он имеет такое незначительное количество медикаментов (отпускается в год на 25 рублей), что к нему ввиду постоянных отказов по причине неимения лекарств, никто не обращается.

Я закончил чтение документа и посмотрел на Ивана:

– Н-да, лучше не расскажешь. Что ж это ваш народ так много пьёт? До тысячи вёдер в год. И это на сто шестьдесят человек взрослого населения! Обалдеть!

Я прикинул: если в ведре десять литров, а десять литров – это ящик водки. Да какой водки – царского разлива! Значит, в итоге получается двадцать тысяч бутылок в год на село. Можно сгореть! Да ещё по такой цене, двенадцать рублей за ведро.

– Дак работа такая. Всю зиму по морозу почту и пассажиров гоняем. Летом постоянно на воде. Нутро греть надо, чтобы хвори не одолели. А ещё, кроме местных, у нас стоит телеграфная полурота, есть и пришлые работники, и ссыльные. А водочку-то все уважают.

– Ладно, убедил, – согласился я. – Но всё равно остаётся около ста бутылок в год на человека. Да ещё самогонку, наверняка, варите.

– То ничего. Главное, что неработного и праздношатающегося люда у нас нет.

– Ещё бы, на водку-то надо заработать. Просто так никто не нальёт, – усмехнулся я. – Ладно, давай-ка обедать.

Мы принялись за свой обед.

Глава 4. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ

Не успели мы пообедать, как двери трактира широко распахнулись. В зал ввалилась полупьяная толпа солдат и матросов, они громко переговаривались и хохотали.

– Ша, братки! – крепкий матрос, увешанный оружием, как новогодняя ёлка, внезапно выстрелил из маузера в потолок.

Толпа мгновенно утихла.

– Граждане революционной России! – обратился в зал матрос революции. – Революция в опасности, поэтому все военнослужащие в добровольном порядке мобилизуются на защиту завоеваний революции.

«Это что-то новенькое, – подумал я, – «мобилизуются в добровольном порядке»... А если я не желаю?» Но вслух поинтересовался:

– От кого защищаем завоевания, браток?

– От немцев. По призыву советской власти мы формируем эшелоны для Западного фронта.

Солдаты рассыпались по залу и стали выводить в центр зала военных. Пойманные военнослужащие понуро строились в две шеренги.

– Послушай, товарищ, – обратился я к матросу. – Мы с товарищем следуем в Питер по специальному заданию полкового комитета. Вот у меня и предписание имеется.

– Все предписания аннулируются. Враг хочет растоптать нашу свободу. Вот отобьём немца, тогда, пожалуйста, следуйте куда хотите, – безапелляционно заявил боец революции.

– Но у нас важное поручение к товарищу Ленину, – начал давить я его авторитетами.

– А товарищ Ленин сам и бросил этот клич. Он вас поймёт.

– Но ведь сейчас у нас с немцами перемирие. Я ведь сам только что с фронта.

– Ну так что ж... Сегодня помирились, завтра размирились.

Что же делать? Воевать категорически не хотелось, да и на вокзале нас ждали попутчики. Необходимо что-то предпринять, а то сначала стреляй в немцев, затем в классовых врагов... Такая перспектива меня не очень устраивала. «Вы и без меня управитесь. Настреляете столько, что Россия утонет в реках крови. Сначала будет красный террор, затем «враги народа». Власть повеселится», – думал я.

Пока придётся подчиниться, но при малейшем случае бежать.

– Пошли, Иван. – обратился я к Зимину. – Революция ждёт нашего самопожертвования. Мы встали в строй унылых военных, здесь были и солдаты и офицеры.

В углу зала возникла какая-то потасовка. Я пригляделся, два офицера не желали выполнять распоряжение революции. Один из солдат попытался схватить непокорного офицера за руку, но, получив мощный удар в челюсть, отлетел в сторону; по пути он прихватил с собой стол и несколько стульев, после чего благополучно приземлился на пятую точку.

– Ах ты сука! Мало вы нас в окопах мордовали. Сейчас не царский режим, – просипел он, выплёвывая зуб.

– Значит мало, хамская рожа! Надо было больше! – в боевом запале выкрикнул офицер.

Солдат трясущимися от злости руками судорожно пытался передёрнуть затвор у винтовки. В это время его товарищи скрутили бунтарей.

– Погодь, браток, – широкая ладонь матроса опустила на ствол винтовки. – Самосудов нам не надо. Мы их сейчас ликвидируем по законам революции. А ну, ребята, прислоните-ка эту золотопогонную сволочь к стенке!

Подчиненные с видимым удовольствием исполнили его команду. Понимая, что за этим последует, гражданские посетители трактира спешно покидали зал. Напротив офицеров выстроились цепочкой солдаты.

– Что, контра, не желаете защищать революцию? – зло, вращая белками глаз, прорычал матрос и, повернувшись к стрелкам, скомандовал: – Именем революции! За отказ выполнять приказ революции и унижение гражданского достоинства солдат революции – по золотопогонной сволочи пли!

В замкнутом помещении произведенный из винтовок залп был равнозначен выстрелу из гаубицы. Со стен и потолка посыпалась штукатурка.

Вот так-то. Революция не любит, когда кто-то имеет собственное мнение. Революция любит слепое почитание и кровь. Много крови. Это подтвердила на практике ещё Французская революция. Жаль только, что уроки истории нас ничему не учат.

А по сути, что такое революция? Это банальное перераспределение власти и материальных ценностей. Народ как был нищим и обманутым, так им и остаётся. Уж в этом-то я убедился.

«Кухарка должна уметь управлять государством»... Доуправлялись. Я вспомнил длинные очереди во всех магазинах страны. «Предметы повседневной необходимости будут выдаваться по талонам...» Всех подровняли. Настоящая свобода, равенство и братство.

Окружённые плотной толпой солдат и матросов, мы вышли на улицу, нас повели в казармы. Отправление на фронт было назначено на завтрашнее утро.

Часа в четыре утра я растолкал Ивана.

– Чего?– недоумённо посмотрел он на меня сонными глазами.

– Пора нам отсюда на вокзал двигаться. Наши друзья там, поди, переживают за нас,– прошептал я в ответ.

– А может, того... Подмогнём революции?

– Что, служивый, не навоевался? Домой нам надо ехать, Ваня. Домой! Мы там нужны. А здесь пускай без нас разбираются.

Иван, как бы раздумывая, посмотрел на меня, а затем, что-то для себя решив, поднялся на ноги. Больше не говоря друг другу ни слова, мы крадучись направились к выходу.

Револьверы у нас отняли ещё в трактире, поэтому с вечера я приготовил небольшой камень. Булжвик – это оружие пролетариата. Так кажется говаривали певцы революции, нам поневоле пришлось брать на вооружение это изречение.

На выходе из казармы за столом вполне мирно посапывал небритый матрос. На носочках сапог, моля Бога о том, чтобы не скрипнула половица, я подошёл к нему. Короткий замах, и голова засони с глухим стуком падает на стол.

– Будешь знать, как небритым на службу ходить, – шепчу я сквозь зубы.

Мы осторожно выглянули из дверей казармы. Около выхода, прислонив к стене свои трехлинейки, стояли и о чём-то разговаривали двое солдат-часовых.

Я молча показал Ивану его цель.

– Только не насмерть, – прошептал я ему.

Он согласно кивнул головой. Не теряя ни мгновения, мы в два прыжка одолели разделяющее нас расстояние. Недоуменный, испуганный взгляд, короткие всхлипы... и оба часовых оказались на земле.

– Плохо вас унтера гоняли, мать вашу раз этак! – Иван пренебрежительно сплюнул в сторону. – Кто ж на посту оружие из рук выпускает?

– А ты думаешь, оно бы им помогло? – усомнился я.

– Оно, конечно, так, но всё равно не положено.

– Ладно, служака, пошли на вокзал. Нужно поскорее уносить ноги.

Направляясь к вокзалу, мы старались обходить стороной большие группы вооруженных людей; наконец добрались до места, нашли попутчиков.

Нас ждала неутешительная новость: штабс-капитана: куда-то увели вооруженные люди.

– Что, одного его? – спросил я у графа.

– Да нет, кроме него ещё много других военных.

Ну что ж, если Стрельников не дурак, то он найдёт способ выпутаться из сложившейся ситуации, а нам необходимо подумать о временном убежище. Следует переждать, пока закончится добровольно-принудительная мобилизация.

– Послушайте, Иван Вольдемарович, если вы по-прежнему желаете, чтобы мы выполняли нашу договорённость, то должны нам помочь.

– Каким образом, господин есаул? – удивлённо спросил Онуфриев.

– Нам необходимо где-то переждать эту мобилизацию. На ближайший поезд на Восток нам всё равно не попасть. Сейчас все составы формируют для отправки на Западный фронт, а находясь на вокзале, мы рискуем разделить судьбу штабс-капитана.

– Ну, разумеется, господа, у меня есть в Москве хорошие знакомые и даже родственники.

– Вот и прекрасно. А идти вернее всего следует к родственникам. В наше время даже у друзей могут пробудиться непомерные аппетиты, как и у вашего друга ротмистра.

– Да, да, господин есаул, я с вами совершенно согласен. Мои намерения относительно вас остаются прежними. Я видел вас в деле.

– Ну, вот и прекрасно, тогда в путь, – подвёл я итог.

Чтобы обезопасить себя по дороге к родственникам графа, я придумал небольшую хитрость. Мы с Иваном нацепили на рукава красные повязки и повели семью графа как бы под конвоем.

Хитрость удалась. Несколько раз нас останавливали красногвардейские патрули и спрашивали: кого ведёте? Мы отвечали, что ведём семью буржуев.

Попавшийся по дороге мальчишка-газетчик размахивал номером «Правды» и кричал:

– Свежие новости из Петрограда! Вчера ночью Ленин подписал Декрет о роспуске Учредительного собрания. Караул устал, караул хочет спать. Матрос Железняк закрывает Учредительное собрание...

– Вот и пришёл конец Российской демократии... – грустно прокомментировал событие граф.

– Разве она когда-нибудь в России была? – усмехнулся я.

– Ну, какие-то зачатки появлялись. А теперь большевики узурпировали власть. Помните мои слова, молодой человек, скоро начнётся настоящий террор.

Об этом мне можно было и не говорить. Уж это-то я знал не понаслышке. Как-никак, история была моим любимым предметом, по которому я всегда имел твёрдую пятёрку.

Благодаря нашей придумке, мы благополучно добрались до окраины Москвы. Как видно, хоть в этом Бог был на нашей стороне.

Родственники Онуфриевых оказались на редкость милыми гостеприимными старичками, и жили они не в старинном графском замке, а в скромном особняке. Как раз то, что нам было нужно – не привлекать к себе лишнего внимания.

Потекла спокойная, размеренная жизнь. Каждый день кто-нибудь из нас ходил на вокзал справляться о поездах на Восток. Но всё было тщетно.

Наша тихая жизнь начинала мне нравиться. Я напропалую ухаживал за красавицей Луизой, получая от неё ответные знаки внимания. Подружек графинь в моей практике общения с противоположной половиной человечества ещё не было. Мне льстило то, что светская красавица не на шутку мною увлеклась.

Так миновал январь, прошла и половина февраля. Наши отношения с Луизой достигли критической точки, преодолев которую я, как истинный джентльмен, просто обязан был на ней жениться.

В один из февральских дней Иван Вольдемарович пришёл с вокзала раньше обычного.

– Господа! – взволнованно заговорил он с порога. – Немцы нарушили перемирие.

С этими словами он протянул нам газету и указал на сообщение о том, что «18 февраля 1918 года в 12 часов войска германской коалиции (50,5 пехотных и 9 кавалерийских германских дивизий; 13 пехотных и 2 кавалерийских австро-венгерских дивизий), нарушив перемирие, перешли в наступление по всей линии Восточного фронта от Балтийского моря до Карпат».

Я задумался. Сегодня уже 20 февраля. Через три дня под Нарвой наши разобьют немецкие войска. Наступают времена великих перемен. Необходимо было любыми путями проби-

раться на родину, потому что, если мне не изменяет память, поздней весной по всей Сибири и Дальнему Востоку начнётся мятеж чехословацких военнопленных. Вот тогда-то и появятся настоящие проблемы.

– А не пора ли нам в путь-дорогу, граф? – обратился я к Онуфриеву. Кстати, хочу заметить, что Онуфриев – это не настоящая фамилия графа, а настоящая – Облонский. Он сообщил об этом уже будучи у родственников в Москве.

– Разве это в наших силах, господин есаул? – он высоко поднял брови.

– Будем брать вагон штурмом. Иначе мы не уедем никогда.

– А как же наши дамы?

– Ничего, прорвёмся. День на сборы и в путь, – решительно хлопнул я рукой по столешнице.

– Софочка, дети! Идите сюда, – встревоженным голосом позвал он.

– Что случилось, Ванечка? – на пороге гостиной появилось семейство графа и старички-родственники.

– Семён Евстигнеевич предлагает нам уже завтра отправляться в дорогу, – сообщил он семье моё решение.

– Ах, господин есаул, к чему такая срочность? – растерялась графиня.

– Ну, когда-то мы все равно должны были поехать, – улыбнулся я. – Почему не завтра?

– Право же, это так неожиданно...

– Я вас уверяю, графиня, что лучше времени уже не будет. Иначе мы рискуем остаться здесь надолго. И поверьте моему предчувствию, это не сулит нам ничего хорошего.

– Ну, раз вы так настаиваете, вы военный, вам видней, – сдалась графиня.

– Вот и прекрасно, – подвёл я окончательный итог.

Я их понимал. Обретая на время тихую гавань, они позабыли о невзгодах и неурядицах, происходивших за стенами московского особняка. Бушующие страсти и развернувшаяся борьба между старым и новым сулила только одни неприятности. Невольно хотелось отсрочить их приближение.

Проходя мимо меня, Луиза незаметно вложила в мою ладонь маленький клочок бумаги. Я сделал вид, что ничего не произошло, невозмутимо отправился к себе в комнату. Там, усевшись за стол, я развернул послание. Судя по затёртым в местах сгибов словам, девушка эту записку носила с самого утра, по-видимому не решаясь отдать её мне. В записке было написано: «Семён, я жду вас в своей комнате в полночь. Двери заперты не будут».

Меня приглашали на романтическое свидание.

Дождавшись, когда часы пробьют полночь, я отправился на свидание с прекрасной девушкой по имени Луиза. Не буду врать, что я был совершенно спокоен. Моё сердце обрывалось и падало куда-то вниз.

Хотя мы и раньше, оставшись наедине, позволяли себе некоторые вольности в виде трепетных прикосновений и искромётных поцелуев, но это была невинная прелюдия к нашим серьёзным отношениям.

Я давно понял, что эта хрупкая и нежная девушка мне далеко не безразлична. При виде её ладной фигурки, затянутой в строгий новомодный костюм, я испытывал чувства изголодавшейся по ласке собаки. Хоть передо мной временами и всплывал образ той, другой, Луизы, я прекрасно понимал, что мы с ней, по воле обстоятельств, расстались навсегда. Лишь чувство лёгкой грусти и невысказанной вины оставалось у меня на душе после этих воспоминаний.

Теперь же я держал в руках материальное подтверждение тому, что меня любит этот ангел во плоти, спустившийся с небес, чтобы спасти мою душу.

Стараясь ступать так, чтобы рассохшиеся половицы не выдали моего присутствия, я открыл двери девичьей спальни и проскользнул внутрь. На мгновение я остановился чтобы

унять стук сердца и восстановить сбившееся дыхание. Что-то прозрачно-белое и тёплое при-
никло к моей груди, от волос исходил восхитительный запах трав.

Интересно, как это женщины начала двадцатого века умудрялись в зимнее время так
обихаживать свои волосы? Ведь шампуней и прочих хитрых штучек ещё не придумали.

Я подхватил на руки невесомое тело, и мои губы жадно приникли к влажным губам юной
прелестницы.

Не знаю, сколько времени продолжался этот, по- настоящему первый, поцелуй, но, по-
моему, он длился вечность. Моя голова закружилась и, боясь уронить свою бесценную ношу,
на внезапно ослабевших ногах я направился к кровати.

Осторожно положив девушку поверх одеяла, я стал осыпать её лицо и шею горячими
поцелуями. Луиза не протестовала. Она слегка постанывала и что-то бессвязно шептала.

Я приостановился, пытаясь уловить смысл сказанного, но её руки властно прижали мою
голову к своей груди, и я услышал жаркий шёпот:

– Сёмочка, милый, не останавливайся... Целуй меня...

Наши ласки стали более утончёнными и нежными. Я освободил девушку от совершенно
неуместного в данной ситуации пеньюара и теперь я имел возможность лицезреть всю пре-
лесть девственного тела. Я целовал её, пахнущую детским молоком, а внутри меня разгорался
неутолимый огонь желания.

Я хотел быть собственником. Я хотел, чтобы всё это великолепие принадлежало одному
мне. Я страстно желал слиться с этим телом и стать одним целым.

Наша безудержная страсть уводила нас всё дальше и дальше. В эти мгновения юная гра-
финя была для меня всем: повелительницей и королевой, рабыней и преданной служанкой, но
самое главное, она была сбывшейся мечтой. Мечтой, к которой некоторым людям приходится
идти всю жизнь, а некоторые доживают до старости и умирают, так и не постигнув великого
божественного предназначения – любить и быть любимым.

Мы потеряли разум, и то, что должно было случиться, случилось. Мощная вулканическая
магма, та, что копилась в нас всё это время, вырвалась наружу, сжигая на своём пути все мосты
к отступлению.

...Опустошённый и счастливый, я лежал на спине и бездумно смотрел в потолок. Голова
Луизы покоилась на моей груди.

– Мне об этом рассказывали разное, но все рассказы не отражают и сотую долю всех
ощущений от этого, – прошептала она, прижимаясь щекой к моей груди.

– От чего этого? – я коснулся губами пушистых завитков на её затылке.

– Ты сам знаешь, о чём я говорю, – Луиза перевернулась на живот и прикрыла своей
узенькой ладонью мои губы.

Я стал по очереди целовать её длинные пальцы, затем мои губы почувствовали учащен-
ный пульс на её запястье и продолжили путешествие вверх по руке, пока не добрались до локтя.
От учащённого дыхания тугие полушария её груди, плотно прижимавшиеся к моему телу,
заходили ходунгом.

Она отняла у меня свою руку и, приподнявшись на локтях, пристально посмотрела в мои
глаза. Её серьёзный взгляд жёг насквозь.

– Ну, вот ты и получил всё, что только может отдать девушка. Ты доволен? – прошептала
она нежно.

– Я тебя люблю! Ты моя королева.

Она поставила один локоть мне на грудь и опёрлась на кулачок щекой.

– Сёма, ты не думай, я сама этого хотела. С той самой минуты, как ты спас нас с сестрой
от позора.

– Так, может, ты так поступила из чувства благодарности? – чуть не поперхнулся я.

– Почему мужчины такие глупые? – мягко улыбнулась она. – Из чувства благодарности дают денег, а то, что я отдала тебе, не купишь ни за какие деньги.

Как ни бесконечны зимние ночи, но и им приходит конец. За разговорами, часто сменяющимися исступленными ласками, мы не заметили, как за окнами стал сереть небосвод. Почему же всё прекрасное так быстро заканчивается? Подчиняясь этому гнусному закону, подошла к концу и первая ночь нашей любви.

– Ой! – испуганно вскрикнула Луиза, взглянув в окно. – Мы пропали! Скоро станет совсем светло. Семён, сделай же что-нибудь!

Единственное, что я мог сделать в этой ситуации, то это как можно быстрее покинуть место грехопадения и незаметно вернуться в свои апартаменты, что с превеликой осторожностью, но крайней поспешностью было мною проделано.

Я лежал на кровати и разглядывал ковёр, висящий на стене напротив меня. На ковре был изображён восседающий верхом на коне усатый кавказец, облачённый в бурку и папаху. Одной рукой он прижимал к себе юную пери³, а другой отстреливался из винтовки от преследовавших его врагов.

По всей вероятности, горный джигит умыкнул красавицу у родителей, а теперь, уходя от погони, расстреливал её братьев и дядек. Я удивился, как живучи пошлые традиции и вкусы, ковры с такими же усатыми абреками украшали стены спален и в наше время. Незаметно для себя я уснул.

Мне снилось, что скачу я на своём Кучуме берегом Амура, а за мной гонится отряд маньчжуров. Впереди меня на крупе коня сидит девушка, её головка склонена на мою грудь. Я стреляю по преследователям из нагана, расстрелял все патроны. Ни один маньчжур не упал с лошади. Я в недоумении: что случилось? А топот коней всё ближе и ближе. Поняв, что не уйти, я выдёргиваю из ножен шашку и, осадив Кучума, круто разворачиваюсь лицом к врагу. Помирать так с музыкой!

Но что это? На месте преследователей стоит убитый мною в поезде ротмистр. Он дико хохочет и протягивает вперёд скрюченную ладонь:

– Отдай мне девку, есаул, я буду из неё богатство выжимать.

Графиня, а это оказалась она, дико визжит и стучит кулачком по моему плечу:

– Ваше благородие, вставать пора, – говорит она мужским голосом.

Я с трудом разлепляю глаза и вижу как разгневанное лицо графини приобретает физиономию Ивана Зимина.

– Так что извиняйте, если не ко времени, но, однако, вставать пора, – настойчиво твердит он.

– Тьфу ты чёрт! Что только не приснится, – в сердцах сорвалось у меня с языка.

Глава 5. ГОСПОДИН СЛУЧАЙ, ИЛИ ЧУДЕСНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

На всей планете Земля не найти таких просторов, как Российская империя. Сошлись здесь во всём своём многоликом и многоголосом великолепии Европа и Азия. По крупяцам собирали государи российские окрестные земли под свою руку, где хитростью, где силою...

А сколько солдатской кровушки пролито на этих землях? Кто возьмётся подсчитать? Не по силам сделать это человеку. Ангелы-хранители отвернулись от России. Разделила революция российский народ не только по политическим лагерям, уменьшила границы империи. Отобрала у людей разум жажда всеобщей справедливости. Забыли они о славных подвигах своих дедов и отцов. Всякий уездный городишко захотел стать самостоятельным государством.

Непомерные амбиции новоявленных вождей и мессий ввергли безграмотный народ в пучину гражданской войны. И вот по этой реке людских страстей наша разношёрстная команда

---

³ Пери – волшебное существо в образе крылатой женщины.

устремилась в дерзкое плавание. Волею судьбы капитаном нашего утлого судёнышка оказался я, просто потому что никого другого, более подходящего на данную роль, не оказалось. А на улице стоял последний день зимы 1918 года.

Где пинками, где тычками, призывая в помощь такую-то мать, мы отвоевали себе место в купе, некогда мягкого пассажирского вагона. На момент нашего путешествия вагон представлял собой весьма жалкое зрелище и имел вид заплёванного и униженного бомжа. Даже его несмазанные дверные шарниры скрипели как-то печально и жалко, с тоской вспоминая своё былое величие.

– Н-да... – неодобрительно поморщился Иван Вольдемарович. – Своего ничего не создали, но то, что было налажено, разрушить успели.

– Чему вы удивляетесь? Помните, как у господина Пушкина в повести «Капитанская дочка» описаны все ужасы русского бунта? – поинтересовался я, а сам вспомнил профессора Преображенского из ненаписанного ещё романа М. Булгакова «Собачье сердце» и его меткие высказывания насчёт свободы и свинства в подъездах и других общественных местах.

– И почему у простого народа такая тяга к разрушению? – задумчиво произнёс граф.

– Это потому, папенька, что простые люди лишены возможности общения с прекрасным, об их образовании и образованности вообще нет речи, – пылко произнесла Луиза.

Вот тут-то я готов был с нею поспорить. В моё время хватало и образованности и знакомства с прекрасным.

Но, по-прежнему, разбитые беседки и лавочки, оборванные телефонные трубки, разбитые фонари и остальные- прочие мелочи заставляли думать об обратной стороне медали «загадочной русской души». Уж больно необузданна и не предсказуема тёмная сторона этой души. Никак мы не изживём в ней страсть к беспричинным разрушениям и погромам.

В ответ на тираду дочери граф шутливо поднял руки:

– Сдаюсь, сдаюсь, моё прелестное дитя.

– Ну вот... – капризно надула губки Луиза, – с вами, папенька, абсолютно невозможно говорить на серьёзные темы. Вы до сих пор считаете меня маленькой девочкой. А я, между прочим, уже выросла.

Иван Вольдемарович не успел дать достойный ответ на слова дочери, потому что расхлябанные двери купе распахнулись и раздался знакомый радостно-приветливый голос:

– Вот где они окопались, пока настоящие патриоты защищают отечество!

Мы все уставились на вошедшего. В дверном проёме, широко улыбаясь, стоял штабс-капитан Стрельников, из-за его спины, неловко переминаясь с ноги на ногу, выглядывал Зимин.

– Иду я, значит, от паровоза, – пояснил он, – а тут их благородие господин штабс-капитан. Собственной персоной.

– Ну, ты, брат, и на враки горазд, – весело перебил его Стрельников. – Если бы я тебя за шинельку не прихватил, то, пардон, господа, пропёр бы мимо, как тот локомотив, на всех парах.

Иван покраснел.

– Дак вас, господин штабс-капитан, и вовсе не признать.

И действительно за время своего вынужденного отсутствия Стрельников отпустил усы и бороду, что делало ещё совсем молодого офицера значительно старше, а солдатская шинель и вовсе приравнивала его к категории низших чинов.

– Так вы опять с нами? – обрёл дар речи граф.

– А куда же мне без вас? – развёл руками штабс-капитан. – И как тут, господа, не поверишь в его величество случай? Вот прошёл бы Иван минутой раньше или позже, и поминай как звали.

– А мы уж, голубчик, и не чаяли свидеться, – неожиданно прослезилась Софья Андреевна. – Ну, что же вы встали в дверях? Проходите к столу.

Девушки же выразили свой восторг радостным хлопанием в ладоши.

– Благодарю вас, господа, – учтиво раскланялся Стрельников. – Я весьма счастлив, что снова нахожусь в вашем обществе.

После недолгой толчеи все, наконец-то, разместились, и за волнениями от неожиданной встречи никто не заметил, как тронулся состав.

Когда эмоции схлынули, Иван Вольдемарович задал первый вразумительный вопрос:

– Ну-с?

– Простите, не понял... – штабс-капитан учтиво склонил голову.

– Ну не томите уже, голубчик, – вмешалась Софья Андреевна. – Поведайте нам о своих злоключениях.

– Прошу прощения, графиня, но ничего стоящего внимания милых дам со мной не происходило, – любезно ответил Стрельников.

– Ах вы, негодник, – погрозила пальчиком Софья Андреевна. – Вас берут и чуть ли не силком от нас уводят. Вы пропадаете неизвестно где столько времени и говорите, что ничего не происходило...

– Всё это такие мелочи, графиня, что, право, не стоят вашего внимания. Главное, что мы снова вместе и наконец-то куда-то едем.

– Господин штабс-капитан, вы не смеете так с нами обращаться. Требуем рассказа, – хором возмутились девушки.

Этот довод оказался самым весомым, и штабс-капитан сдался.

– Милые барышни, дайте бедному солдату отдышаться от трудов дальней дороги, – в притворном ужасе воскликнул он. – После того как забрали меня в казармы, буквально на следующий день, меня и ещё сотни таких же солдат и офицеров загрузили в эшелоны и отправили на фронт прямо под Петроград.

Наш полк стоял под Нарвой. Дисциплины никакой, по каждому поводу и без повода собрания и митинги. К командирам доверия нет, повсюду свои носы суют комиссары. В общем не армия, а казацкая вольница.

Хорошо, что немцы в то время не предпринимали никаких боевых действий, а то бы, пардон, хана. Но, правда, через некоторое время навели мало-мальскую дисциплину. Даже господа большевики поняли, что время митингов прошло, ну и давай расстреливать всяких дезертиров и горлопанов. Народа постреляли предостаточно.

А тут восемнадцатого февраля немец нарушил перемирие, и пошла на нас вся их силища. Пять суток мы держали фронт, не успевали отбиваться от их атак. Артиллерия по нам садит без роздыху, а у нас что снарядов, что патронов – кот наплакал. Сидим в окопах, экономим. Двадцать третьего наши полки пошли в атаку, да так пошли, что дали немцу прикурить, пардон, по самое не могу, и остановили фронт на месте.

Посмотрел я на это дело и решил: хватит по чужим революциям шастать. Пора до дому пробираться, дома воевать оно как-то сподручнее. По крайней мере, знаешь, за что голову сложишь, тем более что на фронте вроде бы всё стабилизировалось. Вроде как не бросил я позиции в ответственный момент. А если честно, то просто до смерти надоело смотреть на всё это безобразие.

Штабс-капитан закончил свой рассказ и в заключение хлопнул ладонью по столу.

– Нд-а... – протянул граф. – Нерадостную картину вы нам тут нарисовали.

– Хорошего мало, гибнет империя, – подтвердил Стрельников. – Если немцы не захватят, то большевики свою власть установят. И ещё неизвестно, что хуже.

– А вы сами как думаете? – осторожно поинтересовалась Софья Андреевна.

– Я русский офицер, графиня. Политика не мой удел. Но думаю, что власть хама принесёт для отечества лишь горе и слёзы. Вспомните исторические примеры с мужичьими царями и самозванцами.

– Вы совершенно правы, господин штабс-капитан, сокрушённо покачал головой граф. – А за примерами и ходить далеко не надо. Возьмите Григория Распутина. Ведь какую власть при дворе взял, какие непотребства устраивал...

– Иван, прекрати при девочках обсуждать этого человека, – всполошилась Софья Андреевна.

– Полноте, Софушка, я не имел в виду ничего такого, граф смущённо умолк.

В купе повисла тягостная тишина.

– Не надо грустить, господа, – я попытался разрядить обстановку. – Татаро-монголы сколько веков пытались Русь сломить, но так и не смогли. И тевтонов мы постоянно били и бить будем. Верю, что, пройдя через горе, Россия вновь возродится и станет ещё сильнее.

– Дай-то Бог, господин есаул, дай-то Бог, – недоверчиво покачал головой граф.

Наши политические дебаты прервал возникший в коридоре шум; судя по возрастающим децибелам, страсти накалялись. По всей вероятности, кто-то что-то не поделил, а что именно стало ясно после того, как от мощного удара ногой двери нашего купе распахнулись и в проёме дверей нарисовался здоровенный дядька в матросском бушлате и, несмотря на февраль месяц, бескозырке, чудом державшейся на самом затылке здоровяка.

Надпись на бескозырке сообщала, что некогда он ходил по морям на славном корабле «Марат». Висящий на длинном ремешке маузер говорил, что его хозяин вооружён и очень опасен. К счастью, матрос был в стельку пьян.

Следом за ним, загоразивая весь проход, стараясь перекричать друг друга, гомонили его спутники – полупьяный сброд. Почему сброд? Да потому что среди его спутников было каждой твари по паре. Здесь присутствовали и матросы, и солдаты, и люди, одетые в невообразимые ливреи и жупаны, в которых было впору сниматься в кинокомедиях.

Но комедией здесь и не пахло – скорее всего, дело продвигалось к трагедии.

– Ша, братки! – мореход с «Марата» поднял вверх свою правую клешню.

Народ за его спиной приумолк, а матрос, повернувшись в сторону своих спутников, театрально произнёс:

– И кто меня уверял, што мы уже всех буржуев и охвицеров извели? А это кто? – и он обличающим жестом указал на нас рукой.

Из подмышки амбала высунулась помятая личность неопределённого возраста в потёртом цилиндре, на глаза, судя по всему для солидности, были нацеплены круглые очки. Желая убедиться, кто мы на самом деле, он несколько мгновений буравил нас пронзительным взглядом, а затем произнёс:

– Ты прав, Георгий, по-видимому не всех, – и обернувшись к нам, добавил: – И из каких же вы щелей повылазили, разрешите полюбопытствовать?

По его ужимкам и хищному блеску глаз я понял, что изо всех присутствующих этот тип, пожалуй, будет самым опасным. Это был типичный подстрекатель и идейный вдохновитель проснувшихся масс. Наш ответ его, как, впрочем всех остальных, совершенно не интересовал.

Ребята решительно нарывались на скандал. Нет, они его просто жаждали. И я понял, что разойтись по-хорошему у нас никак не получится. Но я не стал форсировать события, а просто наблюдал, что же будет дальше?

Я думал, действительно ли те времена были настолько беспредельными, что всё решала сила и наглость? И правда ли то, что в России времён революции действовали законы Дикого Запада?

Между тем обстановка накалялась. Девушки испуганно забились в угол купе, их родители с ужасом смотрели на глумящийся сброд.

– Доблестные приверженцы идей анархии должны ютиться в тамбурах и коридорах, а эти старорежимные осколки прошлого пользуются благами пассажиров первого класса, – выдал речь «огрызок» в цилиндре. – Пора отучаться от барских замашек, господа хорошие.

«О, паренёк, да у тебя ещё и образование имеется», – подумал я. Хуже нет, чем грамотный и беспринципный субъект во главе готового на всё стада. Я внутренне подобрался и глянул на штабс-капитана. Тот понимающе кивнул головой.

А «огрызок», уже полностью протиснувшись в купе, продолжал разглагольствовать:

– Георгий, скажи этим недорезанным отрыжкам прошлого, о чём гласит самый главный закон нашей партии?

– Анархия – мать порядка! – пьяно икнул Георгий.

– Верно! – обрадовался «огрызок». – Анархия – мать порядка... А разве это порядок, когда пострадавшие от царского деспотизма граждане должны влачить жалкое существование на задворках жизни, а разжиревшие на их крови паразиты продолжают пользоваться благами цивилизации? – явно любясь собой со стороны, продолжил он.

Его соратники ободряюще заревели.

– Давай, Пономарь, режь дальше! Даёшь анархию! – раздались восторженные голоса.

«Да ты ещё и поп-расстрига», – внутренне усмехнулся я.

– А кроме всего прочего, уставшие в борьбе за порядок воины долгое время были лишены женского общества. Вы же, презрев все законы братства и взаимопомощи, единолично решили пользоваться этим даром Господним, – обличающий перст духовного проповедника анархистов уставился прямо в лоб графу Облонскому.

– Не изволите ли выйти вон, господа? – раздался спокойный голос Стрельникова. – А то от вашего перегара в помещении нечем дышать.

Пономарь буквально поперхнулся на полуслове. Вся толпа напряжённо застыла.

– Ах, вы падлы золотопогонные! – как ни странно, опомнился первым матрос с «Марата». – Мало вы нам кровей попили, дак ещё и счас свои барские замашки кажите.

– Полундра, братва! – заверещал Пономарь.

Я от неожиданности вздрогнул: всё-таки бывший служитель культа, а верещит, как заправский пират.

– Кадетов за борт, а баб отдать обществу, – загудели нестройно анархисты.

Я понял, что от созерцания пора переходить к решительным действиям. Смущало только одно, сколько противников в коридоре находилось вообще? От этого зависело, какую тактику необходимо выбрать.

«Но ничего, сначала ввяжемся в драку, а там будет видно», – подумал я и с удовольствием пнул Пономаря между ног: раздался утробный вой, и идейный вдохновитель сложился пополам. Я добавил ему кулаком по затылку и вскочил на ноги.

«Этот больше по бабам не ходок», – усмехнулся я с удовлетворением. Хочу заметить, что когда при мне унижают женщин, а тем паче пытаются совершить над ними насилие, я начинаю вести себя непредсказуемо. Проще говоря, мне почему-то хочется обидеть хамов так, чтобы им уже не хотелось совершать гадкие поступки. Возможно, такие желания возникают во мне оттого, что в раннем детстве я начитался книжек про благородных мушкетёров.

Перед моими глазами мелькнул пьяный прищур героя- маратовца. Действуя по принципу «большой шкаф громче падает», я от всей души врезал матросу снизу в подбородок. Раздался хруст. Этот звук мог означать только одно – челюсть бедолаги получила травмы, несовместимые с нормальным приёмом пищи, а проще говоря, множественные переломы. Пламенный анархист нелепо взмахнул руками и, подбросив вверх ноги, спиной вперёд вылетел из купе. По

пути он уронил на пол своих соратников по борьбе, которые в ожидании скорых наслаждений нетерпеливо топтались у него за спиной.

Развивая успех, я выскочил в коридор и принялся охаживать руками и ногами всех, кто вставал на пути. Краем глаза я с удовлетворением отметил, что рядом со мной с неменьшим успехом орудуют Иван и штабс-капитан.

В течение пяти минут битва была закончена, поле боя осталось за нами. Противник ввиду своего явного численного преимущества не ожидал получить отпор и за это жестоко заплатил. На грязном полу в разных позах лежало около дюжины воинов за порядок. Кое-где раздавались стоны и негодующие маты. Зимин ходил между поверженными и ударами кулака успокаивал недовольных.

– И что будем с ними делать? – переглянулись мы со штабс-капитаном.

Ехать дальше с обиженными пьяными мужиками в одном вагоне было бы полным безумием. Идея избавиться от опасных попутчиков навсегда пришла в наши головы одновременно.

– Пора бы братве выходить? – взглянул я на Стрельникова.

– И то верно, есаул. Путешествие на корабле им больше подойдёт.

Услышав, что всё стихло, из соседних купе стали выглядывать перепуганные пассажиры.

– Граждане, окажите помощь. – обратился к ним штабс-капитан. – Пока граждане бандиты не очухались, давайте поможем им выйти.

Его просьба нашла самые горячие отклики. В считанные минуты коридор вагона был очищен от разоруженных бесчувственных тел.

Глядя на выпадавших из вагона анархистов, я подумал, что пускай сам Бог решит, кому из них оставить жизнь, а у кого отнять.

Когда мы вернулись на свои места, то были встречены как самые настоящие герои: «трибуны рукоплескали, а дамы бросали цветы». Но самое главное было то, что мы честно завоевали свой авторитет и могли не опасаться притязаний на наше место под солнцем в виде мест в купе и женского общества.

Ради такого случая обрадованный граф устроил застолье с некоторым количеством спиртных напитков и светских бесед.

– Спасибо, господа, за ваш героизм и за то, что я в вас не ошибся, – сказал он через меру напыщенно первый тост.

– Полноте, граф, – с достоинством ответил штабс-капитан. – Дело даже не в том, что мы соблюдали некоторые пункты нашего договора. Дело касалось чести дам.

– Да, да, я понимаю, – замахал руками Облонский. – Но знаете, как было приятно смотреть, как господин есаул демонстрирует на мерзавцах приёмы английского кулачного боя.

Я в это время купался в нежных взглядах своей вновь обретенной Луизы. Жизнь продолжалась! Но стесненные условия замкнутого пространства не давали ей проявиться в полной мере. Слава Богу, хоть на девичьи взгляды никто не объявлял мораторий.

Глава 6. КТО ОТВЕТИТ ЗА РОССИЮ?

– Станция Бочкарёвский Разъезд! – ранним мартовским утром разбудил меня сиплый голос простуженного кондуктора. – Господ, которые изволят продолжить свой путь в город Благовещенск, попрошу приготовиться к выходу

Он шёл по коридору и скучным голосом продолжал выкрикивать название станции. Я нехотя приоткрыл глаза и распрямил затёкшие ноги. Хорошо, что мне, как самому большому, было позволено спать одному. Все остальные ютились по двое на одной полке.

Те две недели, что мы провели в замкнутом пространстве вагонного купе, несмотря на бытовые неудобства, не превратили нас во враждующих обывателей коммунальной квартиры, а наоборот, ещё теснее сплотили.

Проехав через объятую огнём революции страну, я собственными глазами видел, как действительно страшен русский бунт. Обнищавшие, голодные и раздетые люди на каждой мало-мальски крупной станции с боем пытались взять места в наших вагонах.

Что гнало этих несчастных с обжитых и насиженных мест в суровую неизвестность? Обиды и притеснения постоянно меняющихся властей? Голод и холод? А может, какие-нибудь другие веские причины, неведомые мне?

Во всяком случае, это были простые обыватели, которых пугали ужасы начинающейся гражданской войны. Это были люди, для которых знакомый обустроенный мир в одночасье рухнул и из привычной разнообразной палитры цветов стал бело-красным. Причём и эти оставшиеся два цвета остро ненавидели и всеми силами пытались уничтожить друг друга. Вообще-то был ещё один цвет – серый. Этим цветом было окрашено всё, что не имело отношения к классовой борьбе: серые лица, серые одежды, серые будни, серый мартовский снег...

Честно говоря, революция, в далеком теперь для меня 1986 году, представлялась несколько иначе. Красочнее, что ли? Красные транспаранты, пламенные речи революционеров, красноармейцы, идущие в полный рост на пулемёты, взмыленные кони, которые под шенкелями седоков сшибаются в смертельной схватке. Красиво, не правда ли? А на самом деле грязь, тиф, нищета, голод, смерть...

– Какой сегодня день, господа? – раздался голос штабс-капитана Стрельникова.

– Десятое марта одна тысяча девятьсот восемнадцатого года, – последовал ответ входящего в купе графа.

Он встал ни свет ни заря и успел разузнать много интересного. Во всяком случае, времени даром не терял.

– Господа, – говорил он, слегка задыхаясь, – в Благовещенске восстание атамана Гамова. Красные перекрыли железную дорогу и не дают распространиться мятежу дальше. Много вооружённых отрядов прибыло из Хабаровска и других городов.

– Тяжеловато придётся господам, которые решили драпать из России через Благовещенск, – прокомментировал новость Стрельников.

– Как грубо, Сергей Антонович, – осуждающе покачала головой Софья Андреевна.

– Господин штабс-капитан, мы ведь тоже, как вы изволили выразиться, драпаем, – предательски покраснев, выдавил Облонский.

– Вы, Иван Вольдемарович, спасаете от красной чумы своих детей, – махнул рукой штабс-капитан. – А мы, боевые офицеры, драпаем.

В последнее время с капитаном что-то происходило. Он стал невпопад отвечать на заданные вопросы и часами задумчиво смотреть в замызанное окно. В его интонациях появилась язвительная желчь, всё происходящее вокруг он комментировал с едким сарказмом. Растерянность уступала место беспричинной злобе.

Стрельников, давши слово графу Облонскому в предоставлении своего покровительства, не стал оставаться в Чите, а последовал дальше во Владивосток. Немаловажную роль в его решении сыграли загадочные глаза графини Изольды.

И вот сейчас на штабс-капитана навалилась хандра.

– Бросьте, капитан, – примирительно произнёс я. – Воевать против своего народа – последнее дело, и мы с вами не дезертиры, а люди, не желающие проливать кровь своих сограждан.

– А кто сказал, что воевать? Революция – это эпидемия похлеще чумы или бубонной язвы. Лечить надобно, есаул, лечить, – зло выдавил штабс-капитан.

– А лекарство – орудия и пулемёты?

– А хотя бы и так!

– Нет, капитан, такие микстуры не по мне.

– В таком случае, есаул, мы с вами наблюдаем последние дни Третьего Рима, а немцы и прочие наши враги спляшут на обломках некогда могучей империи, – обречённо махнул рукой Стрельников.

Если бы я мог им сказать, что всё это кровопролитие бесполезно, что всё равно победит одурманенный призывами к счастливому завтра народ, что в недалёком будущем теперь уже красная Россия не исчезнет с политических карт мира, а наоборот, окрасит алым цветом ещё большее пространство. Но, увы, этого я как раз сказать не мог. А если бы и сказал, то кто бы мне поверил?

– Господа, не ссорьтесь, – встревоженно прижала руки к груди Софья Андреевна.

– Не извольте беспокоиться, графиня, – как можно спокойнее произнёс штабс-капитан. – Нам с есаулом делить нечего. Мы на чужой каравай рта не разевали.

Наш спор был прерван раздавшейся вдалеке орудийноружейной канонадой. В разногласный хор перестрелки вплетали свои голоса пулемётные очереди.

Стрельба, сама по себе, не была для нас в диковинку. Она давно стала непременным атрибутом повседневной жизни, но в свете последних новостей эта канонада не предвещала ничего хорошего.

Честно сказать, будучи в своё время, я ничегошеньки не слышал о восстании атамана Гамова и поэтому не мог предсказать итоги этого бунта. Я тщетно рылся в своей памяти, пытаюсь извлечь оттуда хоть какие-нибудь сведения о Гамове, но память молчала и назойливо подсовывала мне фамилии атаманов Семёнова, Калмыкова и почему-то Стеньки Разина. Ну что ж, придётся стать непосредственным свидетелем, а может быть, и участником развивающейся драмы.

В коридоре раздался шум и громкие голоса. Я приоткрыл двери купе и выглянул наружу. Вооружённая группа людей, одетых в военную и гражданскую одежду, бесперемонно стучалась в двери соседних купе.

– Граждане пассажиры, прошу вас соблюдать революционное спокойствие! – силясь перекрыть недовольство несознательного элемента, сорванным голосом прохрипел человек в кожаной куртке.

«Даже спокойствие и то должно быть революционным», – невольно подумалось мне.

Чем дальше я находился в круговерти революционных событий, тем меньше мне хотелось быть их участником. Разбуженный пламенными речами идейных вдохновителей, народ в одночасье не перестал быть тёмным и безграмотным. Всякий представитель освобождённых масс правду и справедливость измерял своим аршином, но хуже всего, что этот аршин ему настойчиво пытались всучить нечистые на руку соплеменники.

Человек в кожанке продолжал:

– По решению штаба революционных войск в целях подавления мятежа атамана Гамова движение гражданских эшелонов на Хабаровск и Благовещенск временно приостанавливается. Также всем, кто имеет на руках оружие, необходимо его сдать. Лица, уклонившиеся от сдачи оружия, будут арестованы и переданы в ревтрибунал.

Окончание своей речи оратор буквально просипел.

Мы переглянулись со Стрельниковым. Остаться в такое время без оружия – это всё равно что выйти голым на Красную площадь. Всякий, кому не лень, может обидеть, а тебе даже срам прикрыть нечем.

– Оружие не отдам, – от ненависти губы штабс-капитана побелели.

– Не дурите, капитан! Это не последние в вашей жизни железяки, чтобы из-за них лишать себя жизни, – предостерег я его. – Не забывайте, что у нас, кроме этого оружия, имеется кое-что ещё.

Я забыл сказать о том, что по моей просьбе Зимин Иван завёл дружбу с машинистом паровоза и экспропрированное нами у бандитов оружие и графские побрякушки были надёжно укрыты под толстым слоем угля в паровозном тендере.

– А как быть с нашей честью, есаул? – желваки на скулах офицера сделались каменными.

– Я думаю, что не будет много чести в том, что после вашей детской выходки все здесь присутствующие будут подвергнуты ещё большим унижениям.

Штабс-капитан ожесточённо засопел и отвернулся к окну.

– Полноте, голубчик, – графиня умоляюще скрестила на груди свои руки. – Не о себе пекусь. Пожалейте моих девочек!

Щёки офицера предательски покраснели.

– Извините, графиня, я не подумал. – с трудом выдавил он из себя.

– Бог с вами, господа, – попытался разрядить обстановку граф. – Ещё навоюетесь.

– Не приведи, Господь, – перекрестился Зимин. – Видит Бог, я уже навоевался.

Я поймал на себе испуганный взгляд Луизы и ободряюще ей улыбнулся. Она облегчённо вздохнула и робко улыбнулась в ответ.

В этот момент двери купе распахнулись, и на пороге возникла уже знакомая кожанка.

– Граждане, попрошу вас сдать оружие и драгоценности, – просипел хриплый голос.

«О как! И драгоценности тоже», – усмехнулся я про себя, а вслух поинтересовался:

– Послушайте, товарищ, а как быть с оружием, которое нам выдало общее собрание солдатского комитета полка?

– А для чего оно его вам выдало?

– Дак это все богатства, которые мы сробили за четыре годочка окопной жизни, – пришёл ко мне на помощь Зимин. – А выдали нам его, браток, для того, чтобы мы дома смогли своих богачеев передожить и к ногтю прижать.

Я с уважением посмотрел на унтера. Во чешет! Не ожидал!

– А если вам оружие выдал полковой комитет, то по такому случаю и документик должен иметься, – просипела кожанка.

Комиссар, видно, принадлежал к числу идейных пролетариев.

– А то, как же... – Иван бережно развернул затёртую бумажку. – Всё чин по чину.

Кожаный товарищ, прищурившись, внимательно рассмотрел печати и подпись, затем зачем-то их понюхал и с недовольным видом вернул владельцу.

«Что, сорвалось?» – молча посочувствовал я и протянул свои документы.

– На офицеров такие мандаты не распространяются, – хмуро бросил он, но бумагу развернул.

Внезапно недовольные морщины на его лице разгладились, и он заинтересованно спросил:

– Извини, браток, ты какого полка будешь?

– Первый казачий Амурский полк. Там ведь всё написано.

– А почему тогда один едешь? Ваш полк ведь уже вернулся.

– Дела были... – неопределённо пожал я плечами.

– Здорово помогли нам твои однополчане супротив мятежников, – кожаный товарищ протянул мне документ. – Не то что Второй Амурский, те вместе с Гамовым решили задушить молодую революцию.

Действуя по принципу «куйте железо, не отходя от кассы», я подтолкнул комиссара к выходу из купе.

– А ну-ка, товарищ, давай выйдем на свежий воздух.

Когда мы оказались в коридоре одни, я достал из нагрудного кармана гимнастёрки мандат и, доверчиво склонившись к уху комиссара, произнёс:

– Читай, браток.

Прочитав решение полкового комитета о моём направлении в Петроград для выполнения особого задания, он озадаченно почесал затылок.

– Дак, а что это за задание?

– Ну, ты, брат, даёшь! – вполне искренне возмутился я. – Там ведь ясно написано, что задание особое, а это значит секретное. Ты ведь как человек, понимающий революционную дисциплину, должен знать.

Лицо комиссара сделалось солидным, и он важно кивнул головой:

– Не сомневайся, дорогой товарищ, понятие о секретности мы имеем, за плечами не один год подпольной работы. А что за публика едет с тобой в одном купе?

Пытаясь ответить как можно правдоподобнее, я стал нести такую чушь, которую потом сам же без смеха не мог вспомнить. Склонившись ещё ближе к комиссарскому уху, я заговорщицки произнёс:

– Ты, как я вижу, товарищ в доску свой и делу революции предан беззаветно, поэтому могу тебе довериться с чистой совестью.

От неожиданного признания его заслуг небритые щёки мужика покрыл лиловый румянец, а лицо сделалось ещё значительнее. Я же продолжил:

– Эти пассажиры и есть моё секретное задание...

– Как это? – недоумённо выдохнул комиссар.

– По заданию самого товарища Троцкого мне доверено сопровождение красного дипкурьера с семейством до города Владивостока, а там на острова Слоновой Кости.

– А что это за острова? – недоумению моего слушателя не было предела.

– Есть такое государство в Океании, – солидно продолжал я. – Будем, товарищ, мировой пожар революции раздувать. Пора, брат, за Земной шарик браться.

Лоб комиссара покрылся испариной.

– Неужто товарищ Ленин решил помочь угнетённому пролетариату Земного шара?

– Есть такая задумка. Хватит пролетариям Африки и Америки на буржуев спины гнуть, прибавочную стоимость им зарабатывать. Выметем эту сволочь поганой метлой в мировой океан. Только об этом молчок! – И для пущей убедительности я прижал к губам указательный палец.

– Да вы что, товарищ? Я – могила.

Под грузом свалившейся на него ответственности комиссар неожиданно перешёл на вы. А я продолжал развивать успех.

– Ты сам-то из каких мест будешь?

– Благовещенский я.

– Выручай, друг. В стычке с бандитами утерял я очень важный мандат.

– Об чём мандат?

– Да говорится в нём о том, чтобы все должностные лица оказывали мне всяческое содействие на пути следования во Владивосток. За подписью самого товарища Ленина.

– Ух, ты! А я чем смогу помочь?

– А ты напиши мне бумагу от своего имени. И печатку приложи. Тебя ведь наверняка на Дальнем Востоке знают многие наши товарищи, – обратился я к нему с просьбой.

Всё-таки лесть – это великая сила, помогающая нам в достижении поставленных целей. Комиссар расправил плечи и гордо произнёс:

– А то как же! Имя комиссара Фёдора Мухина знают многие, – и, повернувшись к своему эскорту, добавил: – Проверяйте оружие у остальных пассажиров. Я ненадолго задержусь.

– Ну, так как же, браток? – взглянул я вопросительно в глаза ответственному товарищу.

– А ты Ленина видел? – затаив дыхание, совсем не в тему поинтересовался Мухин.

– Как тебя, – я лениво сплюнул под ноги.

А сам подумал: ну вот, началось.

– Не брешешь? – совсем по-детски вырвалось у комиссара.

– Ты что, товарищ? Такими вещами не шутят, – моей обиде не было границ. – Святое не тронь.

– Ты уж не сердчай на меня, товарищ Касьян, – повинился Мухин. – Это я так. От зависти. Надо же – живого Ленина! И каков он, наш Ильич?

– Обыкновенный человек. Лысый. Невысокого роста. Обличьем походит на татарина. Когда говорит, немного картавит.

– Да того ли Ленина ты видел, товарищ? – перебил меня комиссар Мухин.

– А кого ж ещё? Ленин у нас один.

Мухин обиженно засопел. Внешность вождя мирового пролетариата его явно не устраивала. Признаться, я тоже был не в восторге, когда воочию увидел его на площади перед Финляндским вокзалом.

Ну да, надо было описать его здоровенным кучерявым молодцом – косая сажень в плечах и кулаки как наковальни. А тут картавый да вдобавок ко всему – лысый.

– Ты не смотри, что он на вид такой невзрачный. Тюрьмы и ссылки никому здоровья не прибавляли, – поспешил я успокоить комиссара. – Зато голова у него золотая. И дела он вершит великие.

– Так-то оно так, – Мухин разочарованно покачал головой.

Похоже, он сильно сомневался в правдивости моих слов. Дёрнул же меня чёрт ляпнуть о Ленине правду-матку, теперь накрылся мой мандат медным тазом.

– Ну что, товарищ Мухин, поможешь мне в моей беде? – попытался я отвлечь его от нехороших мыслей.

– Подойдёшь после снятия карантина к коменданту вокзала, – задумчиво произнёс он и, не прощаясь, направился вслед за своими бойцами.

Недаром говорят, что язык мой – враг мой. Я с досадою плюнул под ноги и вернулся в купе. Попутчики уставились на меня вопрошающими глазами.

– Всё в порядке. Оружие остаётся при нас, – бодрым голосом отрапортовал я. – Тронемся дальше после подавления мятежа.

В течение трёх дней я вместе со Стрельниковым сопровождал Луизу и Изольду в прогулках по окрестностям Бочкарёвки. Вернее, Бочкарёвкой назывался только железнодорожный разъезд, а сам посёлок носил название Александровский. Кстати, его тоже основали в 1860 году переселенцы из Пермской губернии. Выходит, что я плыл вместе с ними в одном сплаве! Вот ведь как всё в нашей жизни понакручено. И захочешь, а лучше не придумаешь!

Я знал будущий город Белогорск совершенно другим. Пускай провинциальным, но всё же городом, а сейчас одна лишь мелководная река Томь точно также журчала под тёплыми лучами весеннего солнца.

Лишь только через десять лет будет сослана на берега этой реки моя раскулаченная бабушка Сара и семнадцать её младших братьев и сестёр. Через сорок пять лет бревенчатые стены деревенской избы огласит первый крик новорожденного ребёнка, который пишет сейчас эти строки.

Но всё это будет потом, а сейчас я стоял на берегу реки под руку с молодой графиней и мечтал избавиться от надоевшего общества Изольды и её Тристана.

Но всё же Бог, наверное, есть, потому что он услышал мои молитвы и послал нам крутой поворот, заросший кустами. Когда Изольда с Тристаном скрылись за этим поворотом, мы с Луизой, наплевав на все меры предосторожности, неистово бросились друг к другу в объятия. В эти мгновения я в полной мере убедился в том, что когда человеку на протяжении длительного времени не давать того, что он так долго и алчно желает, он становится зверем.

На другое утро из Благовещенска пришло сообщение о том, что мятеж атамана Гамова подавлен, а сам атаман, прихватив городскую казну, бежал за кордон. Мы могли трогаться в дальнейший путь.

Глава 7. ЖИЗНЬ ИЛИ КОШЕЛЁК?

Это просто тихий ужас! Так ездить мне ещё не приходилось, разве только тогда, когда забирали в ряды Советской армии. Наш вагон битком набит рабочими и солдатами, участниками подавления гамовского мятежа.

На этот раз суверенитет, наложенный на наше купе, был самым грубым образом нарушен. На нижних полках спят сидя, а на верхних – по два человека. Ничего не поделаешь, против силы не попрёшь.

Разгорячённые недавними боями и своей победой, мужики живо обсуждают результаты недавних боёв. Стрельников всю дорогу молчит, я же с интересом прислушиваюсь к рассказам красногвардейцев. В нашем купе их едет четверо – все работники хабаровской речной флотилии. Среди них есть и грузчики, и матросы.

Несмотря на то, что двери купе мы стараемся держать закрытыми, в воздухе – неистребимая вонь махорки и солдатских портянок. Для меня этот запах привычен, но каково представителям высшего света? Мне их жаль.

– А мы, значитца, вдоль пакгауза да по рельсам, – кочегар с пассажирского парохода «Барон Корф» рассказывал, как они штурмовали последний оплот повстанцев – железнодорожный вокзал. – Казаки с кадетами шмаляют, как черти. Мы в штucky. Оне от пакгауза выкачали пулеметы и давай поливать вдоль «железки». Спрятаться негде, укрытий никаких. Ну, думаю, хана! Тута наши фронтовики показали, как воевать надобно. Встали, да во весь рост, а мы ужо за имя. Так и выбили белых. И што, братцы мои, самое необъяснимое, то энто то, што когда мы ворвались в здание вокзала, там не было ни офицеров, ни казаков.

– И куды же они подевались? – задал вопрос один из красногвардейцев.

Кочегар ответил:

– Дак вот и я в разум не возьму. Заместо их в зале были одне гимназисты да студенты. Ружья покидали, сопли по мордам размазывают. Ну, наши некоторые товарищи сгоряча зашибли несколько энтих сопляков. А те плачут: дяденьки мы больше не будем! Не убивайте нас, пожалуйста!

– А вы чего?

– Дак вышел поперёд всех комиссар из Благовещенска и разьяснил, что одурманенные оне гамовской пропагандой, потому как малолетние и своего мнению не имеют. Ну, мы и согласились.

– Дак, а хто тады супротив вас таку жестоку оборону смог держать? – поинтересовался всё тот же красноармеец.

– Вот и я говорю: кто? Ведь не померещилось же нам, все видели и погоны, и папахи. А вот, поди же... – рассказчик сокрушённо развёл руками.

– Значит, смогли улизнуть энти вояки. Ушлые черти! Ещё попортят кровушки нашему брату, – сделал вывод пожилой грузчик.

В купе ненадолго повисла тишина, а я облокотился на перегородку и, полуприкрыв глаза, стал вспоминать события недельной давности.

...Случилось это где-то между Иркутском и Читой, но уже по эту сторону Байкала. Паровоз, преодолевая очередной затяжной подъём, с натугой выплёвывал клубы чёрного угольного дыма. Скорость была такой, что при желании какой-нибудь бегун-спортсмен мог без труда догнать наш состав и прокатиться зайцем до следующей остановки.

Вот в этом самом месте и подкараулила нас банда «работников ножа и топора».

Время близилось к полудню, а весёлые забайкальские хлопцы, ни капли не стесняясь дневного света, с залихватским свистом и гиканьем осадили наш состав.

Конные разбойнички лихо неслись вдоль вагонов. Одурманенные мартовским теплом, лошади весело ржали, разбрасывая копытами талый снег, а их хозяева, не жалея патронов, палили в воздух и по вагонам.

– Ой, люди добрые, ратуйте! – раздались истошные женские крики.

– Спасайся, кто может, грабить будут! – вторили им испуганные безоружные крестьяне.

Паровоз поднатужился, в последний раз издал прощальное сипение и встал. И вот тут-то началась настоящая потеха.

Мирные обыватели и военные, следующие до родных хат с фронтов первой мировой, не желали добровольно расставаться с тем немногим, что имели. Встал извечный, как сама жизнь, вопрос: отдать нажитое непосильным трудом или показать кукиш? И когда каждый сам для себя решил, как поступить в ответ на наглые притязания даурских парней, из окон и дверей нашего состава раздалась беспорядочная стрельба. Где-то гулко ахнули разрывы ручных гранат.

– Послушайте, есаул, а ведь баталия-то разворачивается нешуточная, – раздался сбоку от меня голос штабс-капитана.

Мы втроём лежали между колёсами своего вагона и, заняв круговую оборону, тщательно выцеливали верховые мишени.

– Видать, казаки из окрестных станиц лозунг «грабь награбленное» приняли близко к сердцу и сейчас претворяют его в жизнь, – отозвался я, очередным выстрелом ссаживая на землю неосторожного экспроприатора.

– Эй, служивые, небось, втроём-то воевать с такой прорвой не с руки? – раздался откуда-то сверху незнакомый голос.

Я от неожиданности вздрогнул и направил наган в сторону говорившего.

– Будя, станишник, – голос повеселел. – Ежели бы была надобность, то мы бы вас уже зараз порешили.

– Вы кто? – я напряжённо всматривался в дно вагона, но так и не смог понять, откуда исходит голос.

– Такие же казаки, как и ты. Дозвольте с вами вовместях с разбойным людом повоевать? Гуртом оно всё как-то повесельше.

– Присоединяйтесь, коли есть такое желание, – не раздумывая, ответил я.

И в самом деле, терять нам было нечего. Если бы это были враги, то несколько удачных выстрелов поставили бы заключительную точку в нашем путешествии, а наши молодые и красивые трупы навечно остались бы лежать под откосом неизвестного перегона.

– Сыпь до нас, станишники, – поддержал меня и Зимин.

Раздался металлический скрежет, от дна вагона отделилась и с глухим стуком упала на землю стальная заслонка. Из отверстия появилась русая чубатая голова.

– Принимай пополнение, атаман, – сверкнул зубами чубатый молодец примерно моего возраста.

На шпалы один за другим сноровисто спрыгнули пятеро казаков. Они грамотно дополнили ряды круговой обороны.

Воевать стало веселее. Во всяком случае, появилась хоть какая-то небольшая надежда на благоприятный исход, казалось бы, безнадежной кампании.

В то время как нападавшие, подавив очаги сопротивления, бесцеремонно грабили пассажиров соседних вагонов, вокруг нашего образовалась мёртвая зона. Да и то сказать, не очень-то хочется лезть под пули, когда твои товарищи занимаются более приятным делом – изымают ценности у беззащитных соотечественников.

Ввиду численного преимущества мы решили не дразнить грабителей и прекратили огонь. Наступило затишье, изредка прерываемое одиночными выстрелами.

– Во дают станишники! – раздался всё тот же весёлый голос. – Кому война, а кому мать родна.

По его голосу невозможно было понять, одобряет он действия разбойных казаков или нет, но это было и не важно. Главное, что на данный момент мы находились по одну сторону баррикады.

– Ты, никак, тоже рад был бы вместе с ними поучаствовать? – раздался едкий голос штабс-капитана.

– Нет, господин, не знаю, как ваше звание, не был бы рад, – усмехнулся казак. – В моём роду уже давно разбоем не промышляют. На царской службе мы своё имущество приумножаем.

– Штабс-капитан он, – примиряюще произнёс я. – Стрельников Сергей Антонович.

– А тебя, односум, как звать-величать? – повернул ко мне своё лицо чубатый. – Давай и мы познакомимся, что ли?

– Отчего же не познакомится с такими приятными людьми, – отозвался я и представился: – Семён Евстиг-неевич Касьян, есаул.

– Кольцо Иван Михайлович. Расскажи откель сам-то будешь? – продолжал любопытствовать казак.

– Хабаровский я. Служил в Первом Амурском казачьем полку, – осторожно ответил я на его вопрос, а в голове застучали молоточки: опять Кольцо, случайно ли?

– А я, стало быть, сотник Второго Читинского полка, – тряхнул чубом однофамилец Степана и, взглядываясь в сторону доносившихся воплей, добавил: – Ну вот и поручкались. А об остальном опосля договорим.

Я посмотрел в ту же сторону, что и сотник. Вагона за три от нас два здоровых казачины деловито тащили под вагон совсем молоденькую деваху. Судя по тому, что норковых шуб и прочих бриллиантов на ней не наблюдалось, то нетрудно было догадаться, что этим дянькам от неё понадобилось.

– Вот курвы! – ожесточённо сплюнул в сторону Иван. – Изнахратят девку как пить дать. А того гляди и вовсе порешат. Девка-то вон как брыкается.

– Нашли о чём жалеть, сотник. Сейчас каждый, кому не лень, всю Россию нахратит, а вы про девку... – зло проговорил штабс-капитан.

– Оно, конечно, твоя правда. За всю Рассею я, могёт быть, и не отвечу. Силов не хватит, – почему-то перешёл на мужичий говор сотник. – А вот девку-то жалко. Какая у её опосля этого дела жизнь будет? Ведь соплюшка совсем.

– Ваша правда, ваше благородие, – поддержал казака его тёзка Зимин. – Жизнь у девки будет не сладкая.

Сотник стрельнул в меня хитрым взглядом:

– Что, есаул, не спробовать ли нам выручить девку от позору?

В вопрошающем прищуре его глаз промелькнул безмолвный вопрос. Как у тебя, есаул, по части кишки? Тонка она или нет?

– Да запросто, – ответил я не колеблясь. – Вот только как мы своих дам без защиты оставим? Да и позицию бросать нельзя.

– Не сумлевайся, есаул. Тамбура мои казаки под прицелом держат. Ежели что, отобьются, – успокоил меня сотник. – Да и пойдём мы вдвоём. Больше и не надобно.

– Есаул, вы как дети, право, – попытался остепенить меня штабс-капитан. – Мы ведь с вами дали определённые обязательства.

– Ничего, штабс-капитан, нам такие дела не впервой, – загорелся я азартом сотника. – Да и помирать я не собираюсь. Ну что, сотник, двинули?

Где перебежками, где ползком мы стали пробираться в сторону скрывшихся под вагоном казаков. Занятые грабежом, станичники не обращали на нас никакого внимания, да и надетая на нас казачья форма равняла всех под одну гребёнку.

Вот и нужный нам вагон, а вот и двое насильников...

Перепуганная насмерть жертва, устав сопротивляться, безучастно устремила свой взгляд в сторону леса.

Один из казаков держал девушку за руки, а второй, стоя на коленях и пьяно матерясь, пытался расстегнуть свои штаны, но, видно, от поднявшегося в штанах давления и переизбытка чувств у него ничего не получалось.

– Ты штой-то, кум, телиси? Неужто расхотел? Давай тады я первый спробую, – пьяно икнув, ухмыльнулся державший.

Но кум не желает уступать первенства и иступлённо продолжает борьбу с вышедшими из подчинения штанами.

Как ни странно, первыми нас заметила девушка. Безучастность в её глазах сменилась диким ужасом. Она увидела нашу форму и решила, что мы пришли на помощь своим товарищам.

– Вы что же это, станишники, удумали? – весело поинтересовался сотник.

– А ты хто? – недоумённо оглянулся державший девушку за руки.

Второй, увлечшись борьбой с непокорными штанами, не обратил на нас никакого внимания. А зря.

– Просто прохожий, – ухмыльнулся Иван. – Вот хотел поинтересоваться, могёт, подмога требуется? Опять жа голихве у твоово кума не слушаются.

– Ишь умник! Ступай откель пришёл! – ощерился казак. – Без ваших помотчей справимся.

– Ну, ты это, дядя, зря, не по-божески. Могёт, и другие-протчие тожа желание имеют, – продолжая веселиться, произнёс сотник, а его кулак смачно впечатался в челюсть единоличнику.

Тот звонко лязгнул зубами и завалился на спину. Нокаут!

Я же в это время ото всей души приложился по уху так и не успевшему снять штаны казаку. Голова детины резко дёрнулась и гулко ударилась о чугунное колесо вагона. Я посмотрел на упавшего казака и по неестественно вывернутому телу понял, что это явный перебор.

– Вот те на! – покачал головой сотник. – Этот уже не очухается.

Девчонка, испуганно глядя на нас, пыталась натянуть на обнажённые ноги разорванные остатки своей юбки. Из разошедшейся на груди кофточка дерзко выглядывали соблазнительные полушария девичьей груди.

– Дядечки, не надо... – жалобным голоском пропищала она.

– Тожа мне дядечек нашла... Мы ишто вполне справные парубки. Верно я гуторю, Семён? – подмигнул мне казак.

– Верно-то верно, но сдаётся мне, что пора нам отсюда сматываться, – я тревожно посмотрел в сторону нашего вагона.

Сотник проследил за моим взглядом и озабоченно присвистнул.

Обобрав всех пассажиров до нитки, нападавшие вошли в раж и всё-таки решились штурмовать наш вагон. Наверное, они сделали выводы, раз его так упорно обороняют, то, значит, там есть что-нибудь «вкусненькое».

– Вот всегда так! – сокрушённо вздохнул сотник. – Только я поимею желание с красивой кралечкой завести знакомство, так в обязательном порядке что-нибудь да произойдёт. Прямо напасть какая-то.

– Давай-ка, девушка, собирай своё имущество и дуй к папке с мамкой. Сейчас здесь будет жарко! – прикрикнул я на продолжавшую лежать девчонку.

– Видать, жалкует, что бабою не сделалась, – серьёзным тоном проговорил Иван. Девчонка было подкинулась, затем нерешительно остановилась.

– Ну что ещё? – попытался я отмахнуться от спасённой.

– Дак убили казаки маманю, – из глаз девушки брызнули слёзы.

– Тьфу ты, всё не слава Богу! – было видно, что сотнику искренне жаль девушку.

– Вот энтот облом её прямо из револьверта стрелил, когда она меня на позор выдать не позволила, – девушка ожесточённо пнула мёртвое тело.

Плечи её затряслись в горьких рыданиях.

– Ну, ты это... Поплачь. Зараз полегшает, – сотник осторожно положил свою ладонь на плечо девушки.

Я присвистнул. Было видно, что сотнику не просто жаль соплюшку. Даже могу сказать больше: он на неё запал. Девчонка-то при ближайшем рассмотрении оказалась довольно-таки милой, даже, можно сказать, смазливой. Казаки пьяные-пьяные, а видели, кого под вагон тащить надо.

– А ну быстро в вагон, – не выдержал я. – Сейчас здесь такое начнётся, что чертям тошно станет.

Девушка как бы нехотя отстранилась от Ивана и побрела к вагону.

– Что, пошли назад? – посмотрел я на сотника.

– Дак, а куда же? С барышней пообщаться ты мне не позволил. Сатрап ты, есаул. Я, могёт быть, сурьёзные намерения насчёт этой мамзели поиметь возжелал, а ты... – притворно сокрушался он, забираясь следом за мной под вагон.

В это время со стороны нашего вагона раздались первые выстрелы нападавших. В ответ раздались выстрелы защитников.

Иван удовлетворённо кивнул головой:

– Держатся покудова наши дружки-товарищи.

Лежавший на спине «клиент» Ивана заворочался и забористо обложил трёхэтажным матом неизвестно кого.

– Во, мой крестник оклемался, – обрадованно потёр руки сотник.

Хочу заметить, что от однофамильца моего Степана так и било положительной энергией. Видно, не подрастерял он на фронтах первой мировой желания радоваться жизни. Окружающие поневоле заряжались его энергетикой и чувствовали себя рядом с ним гораздо увереннее.

– Счас мы его спытаем, что это за воинство туточки озорует? Эй, болезный, что это за орда басурманская на нас свалилась? – приступил сотник к реализации своих планов.

Поверженный казак злобно завращал глазами, затем его взгляд остановился на неподвижном теле своего товарища.

– Кум Захар, ты энтю чегой-то? – глупо спросил он.

– Был кум, да весь вышел, – посочувствовал ему сотник. – Счас он с архангелами гуторит, а могёт быть, и с самим Гавриилом.

– Ты чегу энтю зубы скалишь? – неожиданно «взбычил» казак. – Кума моего порешили и радуется, мать вашу итить!

– Ты, дяденька того... не собачься, не такое твоё положение, – попытался его образумить Иван.

– Да пошли вы! – бушевал хмель в голове полупьяного казака.

Недолго думая, я ткнул ему кулаком под дых, казак на полуслове задохнулся и нехотя сложился пополам.

– Ну вот... – сокрушённо произнёс сотник. – Теперь в животе одна оказия получится. – И, примерившись, вlepил ему звонкую оплеуху.

– Энтю вы по какому такому праву меня истязаете? – отдышавшись, возмутился казак.

– Поясняю. Потому как ты есть военнопленный, «язык» проще говоря. И могём мы спытать на тебе все методы допроса. – ухмыльнулся Иван.

– Не имеете таких прав. Я ведь свой, русский... – попробовал дальше качать права «военнопленный».

– Ага! Ты, курва, заяви на нас в международный трибунал или в Гаагский суд по правам человека, – поддержал я сотника.

Он с уважением посмотрел на меня, покачал головой.

Между тем стрельба у нашего вагона утихла, и раздался зычный голос:

– Эй, вы, которые в вагоне! Мы знаем, что так держать оборону могут только фронтовики. Отдайте нам проезжих купчишек и богатеев. Мы их маненько пограбим, а вас не тронем. Нечего нам из-за энтых мироедов пускать друг дружке кровя.

– Обещала коза по капусту не ходить, – прозвучал в ответ голос Стрельникова. – Мы вас допустим, а вы и нас за своих друзей-товарищей всех порешите. Вон мы их сколько здесь навеки успокоили.

– Слово казака-офицера! А могёте всеми своими силами и с вооружением вообще отойти от вагона. Обещаю, что препятствие строить не станем.

– Какой ты к чёрту офицер! Бандит ты, и слово твоё бандитское! Нет твоему слову веры, а в чистом поле вы нас вмиг положите. Нет уж, благодарствуем за заботу, но мы уж лучше как-нибудь здесь, – не думал поддаваться на уговоры Стрельников.

– Ну, тады не обессудьте. Все здесь останетесь, – прозвучал в ответ всё тот же голос.

Переговоры зашли в тупик, но нападавшие военных действий пока не возобновляли. Наверное, обсуждали план захвата непокорного вагона.

Наш военнопленный, видя, что никто не торопится его освободить, решил заговорить.

– Из Верхнеудинской мы. Шли навстречь атаману Семёнову. А в одной из попутных станций казачки самогону накушались да и решили вовместях с тамошними станишниками эшелон пограбить. Всё какой-никакой, а в дому прибыток.

Иван спросил:

– А на хрена ж ты, седая твоя борода, решил девку спортить?

– Видит Бог, бес попутал, – истово перекрестился казак. – То кум всё: гляди, кака девка дюже справная, давай, Андрюшка, её спробуем, да давай, – передразнил он покойного. – Вот и спробовали...

– Да, нехорошая оказия с вами приключилась, – посочувствовал ему Иван. – Выходит, что через этот самый окаянный отросток твой кум смерть принял, а ты на такой позор сподобился?

– Выходит, что так, мать энту девку в коромысло! – понурился казак.

– Дак я ишто и виноватая! – раздался из-за спины звонкий от негодования девичий голос. – Энтот сивый мерин на меня ещё и лается!

Я от неожиданности вздрогнул.

– А ты пошто здесь? – первым опомнился сотник. – Тебе где велено быть?

– Ты мне не муж, чтобы наказы давать, – неожиданно взбрыкнула девушка. – А подле вас спокойнее.

– Спокойнее... – передразнил её Иван. – Ты что, дурёха, не соображаешь, что подле нас счас самое что ни на есть опасное место?

– А как же вы?

– Мы-то что. Мы люди военные! Нам такое дело привычное, – прожёт девушку взглядом сотник.

Она под откровенным взглядом казака смутилась, но упрямо трянула косой.

– Ну, дак и я. Уж лучше так, чем опять в грязные лапы к энтим...

Иван вопросительно посмотрел на меня.

– Да и чёрт с ней! – махнул я рукой. – Только пусть под ногами не путается. Нам с ней сейчас нянькаться некогда.

Казачи наконец-то решились на первый штурм. Лошадиное ржание и трёхэтажные маты наездников смешались в одном отчаянном порыве. Одновременно с этим в тамбурах нашего вагона гулко забухали ружейные выстрелы.

– Давай-ка, сотник, попробуем к своим через вагоны пробиться, – предложил я.

– А что, это мысль, – согласился тот.

Мы связали пленника, сунули ему в рот кляп и незамеченными прошмыгнули в тамбур вагона, под которым до сих пор находились, после чего, выставив перед собой револьверы, двинулись в сторону своего вагона.

На улице раздалось несколько взрывов.

– Ручные гранаты мечут, сволочи! – зло прокомментировал сотник.

– Не на шутку ребята развоевались. – ответил я ему, а сам подумал: как там Луиза?

– В последний раз говорю: останься тут! – прервал мои мысли голос сотника.

Я недоумённо оглянулся.

Тьфу ты чёрт! Иван продолжал воевать с непокорной девушкой. Та уставилась на него немигающим взглядом и отрицательно покачала головой.

– Ты мне глазищи свои не тараци, – попытался пристрожить её он.

– Да шут с ней, Ваня, скорее пойдём дальше, – крикнул я и устремился в следующий вагон.

Вот и тамбур соседнего с нашим вагона. Я взглянул на казака, тот кивнул головой и произнёс:

– Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Бывало нам, Сёма, и похуже.

Я рывком распахнул дверь, и мы решительно ввалились в вагон. В коридоре на противоположной стороне вагона суетились несколько бородатых личностей. Не раздумывая ни секунды, я быстрым шагом направился в сторону бородачей.

Конечно, нехорошо стрелять в спину, но их было слишком много, да и поворачивались они довольно-таки нерасторопно. У меня два револьвера, в соседнем вагоне девушка с экзотическим именем Луиза, за спиной – ещё одна, и мне чертовски не хотелось, чтобы эти бородатые хари дышали на них перегаром, похотливо срывая с них одежду.

Поэтому я не стал ждать, когда недоумение на их лицах сменится осмысленным выражением. По пуле из каждого револьвера – и два бугая в овчинных полушубках валяются друг на друга. Ещё двоих помогает успокоить мой новый товарищ.

«Тесновато в этом предбаннике, – мелькнула запоздалая мысль, – ребятишкам и развалиться-то вольготно негде».

Сотник, вынырнув из-за моего плеча, осторожно выглядывает в тамбур. Увязавшаяся за нами девушка пытается протиснуться следом. Да не просто протиснуться, а нагло пытаюсь вытолкнуть меня из-за временного укрытия. Видно, вошла в раж. Я вовремя хватаю её за шиворот и оттаскиваю назад.

– Ну, ты, подруга, совсем оборзела. – сую я ей под нос кулак. – Сиди и не высовывайся.

Девушка обиженно сопит, но в пререкания не вступает, понимает, что под горячую руку лучше не попадать. Очень запросто можно и огрестись.

Сотник оборачивается назад и сообщает:

– Трое их там. Лупят из винторезов прямо через дверь.

Из тамбура раздавались хлесткие выстрелы. В тесном помещении они имели эффект разрывающихся бомб.

«Всё верно, – подумал я, – ещё бы они что-нибудь услышали при таком-то бедламе».

– Под свои бы пули не попасть! – прокричал мне в ухо Иван. – Наши-то в ответ тоже палят. Ишь, как дверь измочалили!

Я тоже заглянул в тамбур. Казаки курили самокрутки и не высовывались в дверной проём. Двое из них, вставив в расщепленную пулями дверь стволы винтовок, время от времени нажимали на спусковые крючки, потом, не оборачиваясь, протягивали оружие третьему. Тот ловко передёрнув затвор, возвращал винтовки назад, и всё повторялось по новой.

«Ну и ну, – усмехнулся, – так-то воевать можно. Главное, что не хлопотно».

– Что, есаул, пощекотаем станичников? А не то они скоро заснут, – крикнул мне сотник. – Не я ихний атаман. Вояки, растудят их в коромысло!

В знак согласия я молча кивнул головой и, присев на левое колено, выставил из-за угла оба револьвера. Сотник навис надо мной, сделав то же самое. Грохот выстрелов ударил по ушным перепонкам, а гарь от пороховых газов едко защекотала гортань.

Пули, выпущенные из четырёх стволов, буквально изрешетили наших оппонентов. Победа была безболезненной и полной. Одна лишь мысль о том, что приходится стрелять в своих же русских людей, беспокойно ворочалась где-то в глубинах сознания.

Я оглянулся назад. Спасённая нами незнакомка стояла, прижавшись к стене. Её глаза были закрыты, а ладони крепко сжимали уши.

Иван ухмыльнулся и, засунув один из наганов за ремень гимнастёрки, легонько похлопал её по руке.

– Что, испугалась? – улыбнулся он в распахнувшиеся глаза.

Девчонка засмузилась, затем, опомнившись, гордо вздёрнула подбородок.

– Нисколечки.

– Ну-ну! Значит, не из пугливых?

Девчонка вновь стрельнула в казака глазами и решительно мотнула головой.

– А как звать-то тебя, красота непуганая? – серьёзно спросил он.

Предательский румянец мгновенно растёкся по щекам девушки, а пушистые ресницы, хлопнув от недоумения пару раз, спрятали от нас глаза.

– Александра, – еле расслышал я её дрогнувший голос.

– Шурка, значит... – покровительственно произнёс Иван.

– Александра! – раздался в ответ сразу потвердевший голос.

– Александра так Александра, – Иван шутливо поднял руки. – Так даже ишто красивши.

«Всё, пропал казак», – утвердился я в своих подозрениях.

Может быть, молодые и продолжали бы ворковать и дальше, но выстрелы, раздавшиеся из тамбура нашего вагона, прекратили их занимательный разговор.

– Данила! – крикнул сотник. – Это ты, сукин кот, в нас палишь?

– Ну, я! – раздалось в ответ. – А кто вас там разберёт – свои вы чи ни?

– Дак гляди счас не стрельни. То мы с есаулом воз- вертаемся.

– Счас не стрельну. Милости просим.

Двери тамбура распахнулись, и из-за них выглянула улыбающаяся физиономия молодого казака.

– То вестовой мой, Данила, – повернулся ко мне сотник.

– Доброго здоровьечка, – стрельнул тот в мою сторону хитрыми глазами. – А мы по вас все жданки проели, господа охвицеры.

– Не больно-то вы тут без нас и тужили, – буркнул Иван, пропуская вперёд Александру и протискиваясь мимо вестового.

– С прибытком вас, Иван Михайлович, – елейным голосом порадовался за своего командира вестовой. – Энто в каких таких краях вы таку кралечку эксприиро- вали?

– Много будешь знать, скоро состаришься, – повысил голос Иван.

– Ну, от этого дела ещё ни один человек не сбёгнул. И нам сией чаши не минуть, – глубокомысленно произнёс вестовой.

– Больно ты. как я погляжу, на язык вострый стал, – не выдержал Иван. – А ну цыц!

– Слухаюсь, ваше благородие! – вытянулся тот во фрунт. – Дозвольте исполнять?

– А ну тебя! – махнул рукой сотник и прошёл в вагон.

– Соседствуют родители наши куренями, – заметив мой вопросительный взгляд, посчитал нужным пояснить Данила. – И в церковно-приходскую вовместях ишто мальчонками бегали. А парубками дак и вовсе супротив низовских стенкой на стенку ходили.

Я, не поняв и половины из того, что сказал сотнику вестовой, пожал ему руку и произнёс:

– Семён.

– Ну, а я, стало быть, Данила, – во второй раз представился он.

Мы в осаде. Казаки в очередной раз откатились под защиту деревьев и снова совещаются, но оставленные в заслонах наблюдатели время от времени постреливают по вагону. По всем прикидкам, мы уже давно должны быть мёртвыми, но, по-видимому, Бог на нашей стороне. Я с тоской смотрел на сгущающиеся сумерки – полная безнадёга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.